

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)
Москва, 8 февраля 2023 года

Материалы конференции

УДК 316.77:81.27(082)

ББК 88.53:81.001я43

С-483

С-483 «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2023 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023. – 80 с.

Сборник содержит материалы научной конференции «Слово и жест», посвященной памяти Е. А. Гришиной (1958-2016). В центре внимания конференции – обсуждение вопросов мультимодальной коммуникации и жестикуляционной лингвистики, а также смежных проблем.

Оргкомитет конференции

В. А. Плунгян, акад. РАН – председатель

Е. В. Рахилина, д-р филол. наук, в.н.с.

С. О. Савчук, канд. филол. наук, в.н.с.

© Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

- 11:00 – Открытие конференции. Вступительное слово:
11:10 *Владимир Александрович Плунгян*
- 11:10 – *Ольга Викторовна Федорова* (МГУ им.
11:30 М. В. Ломоносова)
«Репортаж о грушах» Уолласа Чейфа: индивидуальные
стили комментаторов
- 11:30 – *Юлия Владимировна Николаева* (МГУ им.
11:50 М. В. Ломоносова)
Повторяющиеся жесты и их синхронизация с речью
- 11:50 – *Николай Алексеевич Коротаев* (РГГУ, Институт
12:10 языкознания РАН)
Слово и жест при совместном построении в диалоге
- 12:10 – *Александра Алексеевна Евдокимова* (Институт
12:30 языкознания РАН)
Жесты головы и неодушевленные существительные
на материале эталонного подкорпуса RUPEX (22, 4, 23
запись). Предварительные замечания
- 12:30 – *Алан Ченки, Анна Васильевна Леонтьева, Ольга
12:50 Владимировна Агафонова, Андрей Андреевич Петров*
(Свободный университет Амстердама, МГЛУ,
Институт языкознания РАН)
Полиmodalный анализ числительных в синхронном
переводe (L2 – L1)
- 12:50 – *Светлана Игоревна Буркова* (НГТУ, Институт
13:10 языкознания РАН)
Агентивная и эпистемическая модальность в русском
жестовом языке
- 13:10 – *Елизавета Владимировна Филимонова* (Институт
13:30 языкознания РАН)
Реципрок в русском жестовом языке и русской
жестикуляции: сопоставительный анализ

13:30 – Перерыв

14:20

14:20 – *Ольга Камалудиновна Ирисханова, Мария Ивановна*
14:40 *Киосе, Анна Васильевна Леонтьева, Ольга*
Владимировна Агафонова (Институт языкознания РАН,
МГЛУ)

Особенности полимодального дейксиса в решении
метаязыковых задач

14:40 – *Татьяна Евгеньевна Янко* (Институт языкознания РАН)

15:00 Иллокутивный эллипсис и его просодия

15:00 – *Вера Исааковна Подлесская* (РГГУ, Институт

15:20 языкознания РАН)

Прямая речь в неподготовленных устных рассказах

15:20 – *Полина Андреевна Бычкова, Екатерина Владимировна*

15:40 *Рахилина* (ВШЭ, ИРЯ РАН)

Разговорные формулы: помнящие родство

15:40 – *Светлана Игоревна Переверзева* (РГГУ)

16:00 Жестовые цитаты и проблемы глубокой разметки

Мультимедийного русского корпуса

16:00 – *Анна Александровна Зинина, Артемий Александрович*

16:20 *Котов* (НИЦ «Курчатовский институт», МГЛУ, РГГУ)

Мультимодальное оформление улыбок для робота Ф-2

16:20 – *Лариса Леонидовна Шестакова, Анна Сергеевна*

16:40 *Кулева* (ИРЯ РАН)

Слово *жест* в поэтическом дискурсе

16:40 – *Борис Валерьевич Орехов* (ВШЭ)

17:00 Жестикуляция в зеркале разных языков описания

17:00 – Подведение итогов конференции

17:20

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)

Тезисы докладов

Содержание

<i>С. И. Буркова.</i> Агентивная и эпистемическая модальность в русском жестовом языке.....	7
<i>П. А. Бычкова, Е. В. Рахилина.</i> Разговорные формулы: помнящие родство	13
<i>А. А. Евдокимова.</i> Жесты головы и неодушевленные существительные на материале эталонного подкорпуса RUPEX (22, 4, 23 запись). Предварительные замечания.....	15
<i>А. А. Зинина, А. А. Котов.</i> Мультимодальное оформление улыбок для робота Ф-2.....	20
<i>О. К. Ирисханова, М. И. Киосе, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова.</i> Особенности полимодального дейксиса в решении метаязыковых задач.....	26
<i>Н. А. Кортаев.</i> Слово и жест при совместном построении в диалоге	35
<i>Ю. В. Николаева.</i> Повторяющиеся жесты и их синхронизация с речью.....	41
<i>Б. В. Орехов.</i> Жестикуляция в зеркале разных языков описания... ..	44
<i>С. И. Переверзева.</i> Жестовые цитаты и проблемы глубокой разметки Мультимедийного русского корпуса	45
<i>В. И. Подлесская.</i> Прямая речь в неподготовленных устных рассказах.....	47
<i>О. В. Федорова.</i> Еще одна жизнь «Фильма о грушах» Уолласа Чейфа.....	54
<i>Е. В. Филимонова.</i> Реципрок в русском жестовом языке и русской жестикуляции: сопоставительный анализ.....	58
<i>А. Ченки, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова, А. А. Петров.</i> Полимодальный анализ числительных в синхронном переводе (L2 – L1)	63
<i>Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева.</i> Слово <i>жест</i> в поэтическом дискурсе.....	67
<i>Т. Е. Янко.</i> Просодия как показатель статуса и речевого опыта говорящего.....	71

АГЕНТИВНАЯ И ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ *

С. И. Буркова

*Новосибирский государственный технический университет
Институт языкознания РАН
(Новосибирск, Россия)
burkova@corp.nstu.ru*

Модальность в жестовых языках в целом изучена пока слабо. Наиболее подробно она исследовалась на материале американского жестового языка, см., например, (Wilcox & Wilcox 1995; Wilcox 1996; Wilcox & Shaffer 2005; Shaffer 2002, 2004; Shaffer & Janzen 2016). Существует ряд работ, посвященных различным аспектам модальности в некоторых других жестовых языках: бразильском (Ferreira Brito 1990; Xavier & Wilcox 2014), испанском (Salazar-García 2018), турецком (Karabüklü et al. 2018), палестинском (Abdel-Fattah & Alawnah 2020), тайваньском (Chien-Hung & Jung-Hsing 2011) и др. Имеются сопоставительные исследования средств выражения модальности в разных жестовых языках, например, в германском и ирландском (Herrmann 2007), каталанском и германском (Pfau & Quer 2007). Однако для многих жестовых языков работы по модальности единичны или вообще отсутствуют. Для РЖЯ существует краткое описание мануальных показателей возможности и необходимости (Бородулина 2012а), а также статья, в которой рассматриваются мануальные и немануальные средства выражения императива (Бородулина 2012б); обе работы выполнены на основе данных, полученных путем эlicitации. Корпус РЖЯ, созданный в 2015 году (Корпус РЖЯ 2012–2015), открывает новые возможности и позволяет более детально проанализировать арсенал средств выражения модальных значений в этом языке, в том числе и функции немануальных маркеров, а также взаимодействие модальных показателей с отрицанием.

В докладе я остановлюсь на средствах выражения агентивной модальности (модальности субъекта описываемой ситуации) и эпистемической модальности (модальности говорящего). Я опираюсь на подход, предложенный в статье (Van der Auwera & Plungian 1998), в котором термин «модальность» используется для тех семантических областей, которые включают возможность и необходимость в качестве парадигматических вариантов. Внутри зоны агентивной модальности

выделяются: 1) внутренние онтологические возможность (способность, умение, физическая возможность субъекта описываемой ситуации) и необходимость (характеризующая потребности субъекта); 2) внешние онтологические возможность (отсутствие препятствий для реализации ситуации) и необходимость (модель поведения, навязываемая субъекту внешними обстоятельствами); 3) деонтические возможность (разрешение субъекту реализовать ситуацию) и необходимость (запрет, обязанность, долг, принуждение и т.п.). Внутри зоны эпистемической модальности тоже условно можно выделить возможность (выражающую неполноту знаний говорящего) и необходимость (оценку говорящим ситуации как высоковероятной), хотя граница между двумя подзонами достаточно размытая.

Лингвистически значимая информация передается в жестовых языках при помощи мануальных и немануальных средств. Мануальные показатели – это жесты, исполняемые руками. Немануальные показатели (немануальные маркеры, НММ) – это различные движения и положения мышц лица, направление взгляда, маусинг (беззвучная артикуляция некоторых слов звукового языка или их частей), жесты рта (различные движения рта, не обусловленные влиянием звукового языка, а также вдох или выдох ртом), различные положения и движения головы и верхней части тела. В 2017 году немецкие исследователи Фабиан Бросс и Дэниел Холле предложили гипотезу телесного отображения (*The Bodily Mapping Hypothesis*), согласно которой в жестовых языках, чем выше в иерархии область действия семантического оператора, тем вероятнее он будет выражаться в верхней части тела. Это, в частности, означает, что семантические операторы с широкой сферой действия, такие как маркирование участников речевого акта, или, например, модальность говорящего, будут выражаться при помощи немануальных маркеров в области лица, и эти маркеры будут реализовываться одновременно с мануальными жестами клаузы, в то время как операторы более низкого уровня, включая маркеры агентивной модальности, будут выражены мануальными жестами, встроенными в линейную последовательность жестов клаузы (Bross & Hole 2017). Разные жестовые языки имеют много общих черт. Бросс и Холле при выведении описанной выше закономерности опирались на материал германского жестового языка, однако предположили, что такая же стратегия телесного отображения может быть обнаружена и в других жестовых языках или вообще оказаться универсальной. И действительно, например, в американском жестовом языке (ASL) агентивная модальность выражается

мануальными жестами, тогда как эпистемическая модальность выражается мануальными жестами в сочетании с НММ или же только при помощи НММ (Wilcox & Wilcox 1995; Wilcox 1996; Wilcox & Shaffer 2005). Данные РЖЯ тоже подтверждают гипотезу Бросса и Холле. Агентивная модальность в нем выражается при помощи мануальных жестов, а эпистемическая модальность обязательно требует немануального маркирования. Имеются и мануальные показатели эпистемической возможности и необходимости, однако они факультативны.

В зоне неэпистемической возможности для РЖЯ важным оказывается выделение подзоны внутренней возможности. В то время как внешняя онтологическая и деонтическая возможность перекрываются одним и тем же модальным показателем – мануальным жестом МОЧЬ₂, для внутренней возможности используется особый жест – МОЧЬ₁. Более того, в области внутренней возможности имеется и еще более специализированный жест НАЙТИ, грамматикализованный как показатель успешного достижения желаемого результата в конативной ситуации, т.е. ситуации попытки: ‘смочь, суметь, получаться’. В зоне деонтической возможности помимо жеста МОЧЬ₂ употребляется также жест СВОБОДНЫЙ в значении ‘можно, разрешено’. Обычно он используется, когда речь идет о разрешении, обусловленном теми или иными законодательными нормами права.

Во всех зонах неэпистемической необходимости используются жесты НУЖНО и ДОЛЖЕН, однако доля их употребления в разных зонах различается. Жест НУЖНО наиболее частотен в зоне внутренней онтологической необходимости, жест ДОЛЖЕН – в зоне деонтической необходимости. Для выражения внешней онтологической необходимости используется также жест ТЕРПЕТЬ в значении ‘пришлось, приходится, вынужден’, акцентирующий обусловленность необходимости внешними обстоятельствами.

В членении зоны агентивной модальности РЖЯ демонстрирует отличия как от окружающего русского звукового языка, так и от некоторых жестовых языков. Например, все зоны неэпистемической возможности могут быть покрыты в исторически связанном с РЖЯ американском жестовом языке (ASL) и русском звуковом языке одной и той же модальной лексемой (жестом CAN и модальным глаголом *мочь* соответственно). Интересно, что жесты МОЧЬ₂ в РЖЯ и CAN в ASL имеют при этом идентичное исполнение и явно общее происхождение, однако сфера их действия оказывается различной.

В предложениях с семантикой эпистемической оценки в РЖЯ регулярно присутствует комплекс таких НММ как слегка нахмуренные брови, прищуренные глаза, немного вытянутые вперед губы, поджатый подбородок и, факультативно, опущенные уголки губ. Они сопровождают жест или цепочку жестов в пределах области своего действия (предиката или клаузы). Пока невозможно с уверенностью судить, есть ли НММ, четко разграничивающие эпистемические возможность и необходимость. Как кажется, все же есть некоторые отличия в направлении взгляда (вверх и вниз соответственно) и наклоне головы (вбок или вперед), однако пока неясно, насколько эти отличия принципиальны. Эпистемическая оценка представляет собой шкалу от наивысшей степени неуверенности до наивысшей степени уверенности. Поэтому скорее можно предположить, что названные НММ соответствуют крайним полюсам этой шкалы, а функция остальных немануальных средств в этой области состоит в том, чтобы просто маркировать эпистемическую оценку как таковую. Тем более что конкретизировать степень достоверности можно при помощи мануальных жестов.

Мануальных жестов, используемых в качестве показателей эпистемической оценки, довольно много, при этом среди них более многочисленны и разнообразны жесты, выражающие эпистемическую возможность. Среди мануальных показателей эпистемической модальности есть такие, которые используются и для выражения агентивной модальности – это жесты МОЧЬ₂ и ДОЛЖЕН. Как известно, в звуковых языках одни и те же модальные предикаты могут использоваться для выражения и агентивной, и эпистемической модальности. РЖЯ, как и некоторые другие жестовые языки (см., например, (Wilcox & Shaffer 2005) о жесте CAN в ASL), обнаруживает в этом типологическое сходство со звуковыми языками. Из других жестов, служащих для выражения эпистемической оценки, в корпусе РЖЯ обнаруживаются жесты ВЕРОЯТНО, НАВЕРНОЕ, ПРИМЕРНО (в значении ‘навверное’), ПРИМЕР (в значении ‘навверное’), КАЗАТЬСЯ, ВИДЕТЬ (в значении ‘казаться’), ЕСЛИ (в значении ‘может быть, навверное’), ВЕС (в значении ‘может быть, навверное’), ТОЧНЫЙ (в значении ‘точно, определенно’). Достаточно частотна и конструкция, калькирующая соответствующую конструкцию русского звукового языка: МОЧЬ₂ БЫТЬ.PAST ‘может быть’.

По своему происхождению мануальные показатели возможности и необходимости в РЖЯ неоднородны. Некоторые представляют собой исконные жесты, модальное значение передается в них при помощи

характерной для жестовых языков иконической метафоры «от образа к значению». Другие являются результатом лексикализации исконного классификаторного жеста или заимствования из русского звукового языка. Третьи производны от жестикуляции, используемой слышащими людьми.

Литература

Abdel-Fattaha M. A. M., Alawnah R. M. Modality in Palestinian Sign Language // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Vol 14(12). Pp. 31–58.

Bross F., Hole D. Scope-taking strategies and the order of clausal categories in German Sign Language // Glossa: a Journal of General Linguistics. 2017. Vol. 2(1). Pp. 1–30.

Chien-Hung Lin, Jung-Hsing Chang. Modality in Taiwan Sign Language // Wataru Nakamura (ed.). New Perspectives in Role and Reference Grammar. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. Pp. 246–263.

Ferreira Brito L. Epistemic, alethic, and deontic modalities in a Brazilian Sign Language // S. D. Fischer, & P. Siple (eds.). Theoretical issues in sign language research. Vol. 1: Linguistics. Chicago: University of Chicago Press, 1990. Pp.229–260.

Herrmann A. The expression of modal meaning in German Sign Language and Irish Sign Language // P. Perniss, R. Pfau & M. Steinbach (eds.). Visible variation: Comparative studies on sign language structure. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 245–278.

Karabüklü S., Bross F., Wilbur R. B., Hole D. Modal signs and scope relations in TİD // FEAST (Formal and Experimental Advances in Sign language Theory). 2018. Vol. 2. Pp. 82–92.

Pfau R., Quer J. On the syntax of negation and modals in Catalan Sign Language and German Sign Language // P. Perniss, R. Pfau & M. Steinbach (eds.), Visible variation: Comparative studies on sign language structure. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 129–161.

Salazar-García V. Modality in Spanish Sign Language (LSE) revisited: a functional account // Open Linguistics. 2018. Vol. 4. Pp. 391–417.

Shaffer B. CAN'T: The Negation of Modal Notions in ASL // Sign Language Studies. 2002. Vol. 3(1). Pp. 34–53.

Shaffer B. Information ordering and speaker subjectivity: Modality in ASL // *Cognitive Linguistics*. 2004. Vol. 15(2). Pp. 175–195.

Shaffer B., Janzen T. Modality and Mood in American Sign Language // J. Nuyts & J. Van Der Auwera (eds.). *The Oxford Handbook of Modality and Mood*. New York: Oxford University Press, 2016. Pp. 448–469.

Van der Auwera J., Plungian V. A. Modality's semantic map // *Linguistic Typology*. 1998. Vol. 2. Pp. 79–124.

Wilcox S., Shaffer B. 2005. Modality in American Sign Language // W. Frawley (ed.). *The expression of modality*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. Pp. 207–238.

Wilcox S., Wilcox P. The gestural expression of modality in ASL // J. Bybee & S. Fleischman (eds.). *Modality in grammar and discourse*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1995. Pp. 135–162

Wilcox P. Deontic and epistemic modals in ASL: A discourse analysis // A. Goldberg (ed.). *Conceptual structure, discourse and language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Pp. 481–492.

Xavier A. N., Wilcox S. Necessity and possibility modals in Brazilian Sign Language (Libras) // *Linguistic Typology*. 2014. Vol. 18(3). Pp. 449–488.

Бородулина Д. А. (2012а) Средства выражения императива в русском жестовом языке // *Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция: Сборник статей / Под ред. О. В. Федоровой*. М.: Буки Веди, 2012. С. 14–49.

Бородулина Д. А. (2012б) Средства выражения возможности и необходимости в русском жестовом языке // *Вестник ТГПУ*. 2012. 1 (116). С. 92–95.

Корпус РЖЯ 2012–2015 – Корпус русского жестового языка [Электронный ресурс] / Руководитель проекта С. И. Буркова. Новосибирск. 2012–2015. Режим доступа: <http://rsl.nstu.ru/>. Загл. с экрана.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект № FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

РАЗГОВОРНЫЕ ФОРМУЛЫ: ПОМНЯЩИЕ РОДСТВО

¹П.А. Бычкова, ^{1,2}Е.В. Рахилина

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,

²Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

rakhilina@gmail.com, polyatomson@gmail.com

Доклад посвящен дискурсивным единицам формульного типа. Это как правило, неоднословные устойчивые предложения, которые используются как стандартные реакции – либо в диалоге (так называемые **дискурсивные формулы** типа *Еще бы!* / *вот еще!*), либо как реакции на определенные типы ситуаций (так называемые **рутины**), ср.: стук в дверь – *Кто там?*, заглядывание в дверь – *Вам кого?*, бедственное положение – *На помощь!*, подробнее см. системный обзор подходов к единицам такого рода в современной русистике в [Жукова 2022].

В системе языка эти единицы имеют статус нестандартных конструкций (в смысле Теории Грамматики конструкций в ее классическом варианте, см. [Fillmore et al. 1988]), – таких, которые не имеют переменных в своем составе. Как мы показали в работах, посвященных конструкциям и дискурсивным формулам (например, [Рахилина, Бычкова, Жукова 2021]), эти переменные могли существовать в их, так сказать, «прошлой жизни» и быть утеряны. Дело в том, что многие из дискурсивных формул исходно были конструкциями, ср. производность дискурсивной формулы *Не факт!* От конструкции *Не факт, что Р (Не факт, что он придет)*. Есть и обратные случаи, «добавления» переменной в формуле, которое ведет к превращению ее в полноценную конструкцию. Таким образом, формулы и конструкции могут находиться в своего рода родственных отношениях производности.

Настоящее исследование показывает, что родственные связи есть не только между конструкциями и дискурсивными формулами, но и между рутинными и конструкциями, и даже между разными типами

формул (дискурсивными и рутинами), которые никаких переменных не содержат. Экспликация таких связей подтверждает идею о некотором семантическом единстве конструкций и формул, высказанной в свое время Ч. Филлмором [Fillmore 1979, 1984] и поддерживается материалом других языков.

Литература

Жукова С. Ю. (2022). Дискурсивные формулы русского языка в диахроническом аспекте (на материале XVIII – XXI веков). Дисс. кфн, НИУ ВШЭ.

Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. (2021). Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. – 2021. – № 2. – С. 7–27.

Fillmore C. J. (1979). On fluency. // C. J. Fillmore, S. Wong, & D. Kempler (Eds.). Individual differences in language ability and language behavior (pp. 85–101). Academic Press.

Fillmore C. J. (1984). Remarks on contrastive pragmatics. // Contrastive linguistics: Prospects and problems (Vol. 101). Mouton.

Fillmore et al. (1988). Fillmore C. J., Kay P., O'Connor, M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // Language. – 1988. – P. 501–538.

**ЖЕСТЫ ГОЛОВЫ И НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЭТАЛОННОГО
ПОДКОРПУСА RUPEX (22, 4, 23 ЗАПИСЬ).
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ**

А. А. Евдокимова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
arochka@gmail.com*

Е. А. Гришина в своей книге обозначает, что с точки зрения структуры коммуникативного акта неодушевленные и одушевленные объекты различаются функционально, так, среди прочего, неодушевленный объект не может стать участником акта коммуникации¹. Чаще он оказывается предметом речи, что становится значимым и в разграничении зон коммуникации. По наблюдениям Е. А. Гришиной, внутри зоны коммуникации могут быть только неодушевленные объекты указания (предмет и место)² и они чаще будут сопровождаться указанием головой вперед. Как следствие, если меняется тип указания с характерного для одушевленного существительного на неодушевленный, у одушевленного снижается ранг и он становится объектом, независимо от канала, в котором выполняется жест³.

Все указательные жесты головы Е. А. Гришина предлагает делить на полярные и диффузные, выбирающие различные формы в зависимости от соотношения с зоной видимости/невидимости⁴. Поскольку в случае разбираемого корпуса RUPEX⁵ все неодушевленные существительные, которые упоминаются при коммуникации, отсутствуют в комнате, то указательный жест на них напрямую невозможен и такое разделение жестов для этого исследования не так актуально. В связи с этим в данных тезисах больше внимания будет уделено не типам указательных жестов, а выбору видов движений

¹ Гришина Е.А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: 2017. С. 117

² см. Гришина Е.А. 2017. С. 143

³ ср. Гришина Е.А. 2017. С. 120, 122, 132, 142, 162

⁴ см. Гришина Е.А. 2017. С. 162

⁵ Более детально о проекте см. <https://multidiscourse.ru/corpus/>

головы для неодушевленных существительных разных типов и при разных ролях участников коммуникации.

Если проанализировать фильм Чейфа «О грушах», то при пересказе его сюжета мы ожидаем следующие категории неодушевленных существительных: 1) предметы, участвующие в действии, образующие сюжет: *груши, корзины* и т. п.; 2) места действий и декорации: *дерево, багажник, дорога, лестница, местность*, название региона; 3) средства передвижения: *велосипед*; 4) элементы одежды или того, что необходимо при описании и идентификации действующих лиц: *волосы*, виды одежды, детали, выделяющие персонажа среди прочих, например, игрушка у одного из мальчиков; 5) время действия: *момент, лето, год* и т. п.; 6) абстрактные существительные: *любовь, усилие, история* и т. п. Участники записей корпуса RUPEX поразному отнеслись к выбору тех или иных неодушевленных существительных. Как показал анализ использования лексики в записях эталонного подкорпуса (#22, #4, #23) в корпусе RUPEX для всех участников более значимыми в рассказе оказались объекты, место действия и описание персонажей. При этом самыми частотными оказались следующие лексемы⁶.

Участники	Объекты	Место	Средства передвижения	Описание персонажа
Рассказчик #22	груша 15, игрушка 3, корзина 16	дерево 5, багажник 4, дорога 3, кадр 4, лестница 8	велосипед 15	бандана 9, косы 3, карман 4, лет 4, лицо 5, фартук 7, шевелюра 4, шляпа 12, штаны 3
Рассказчик #23	груша 17, корзина 9	Америка 3, дерево 4, дорога 3, Испания 3, кадр 4, лестница 4	велосипед 8	платок 4, рубашка 3, фартук 5, шляпа 10, штаны 4
Рассказчик #4	груша 20, корзина 9	дорога 9, лестница 4	велосипед 10	коленка 3, платок 5, нога 3, ручки 4, фартук 3, шея 4, шляпа 5

⁶ В таблице приводится общая частота лексемы, если в разбираемых контекстах слово представлено в разных формах. Если во всех контекстах слово встретилось в одной и той же форме, то приводится частота словоформы.

Участники	Объекты	Место	Средства передвижения	Описание персонажа
Комментатор #22	груш 22, корзина 16	дерево 8, дорога 3, лестница 5	велосипед 7	фартук 3, шляпа 17
Комментатор #23	груша 15, корзина 3	гора 3, Крым 4	велосипед 8	джинсы 8, рубашка 3
Комментатор #4	груша 8, корзина 3,	травы 3, кадр 3, багажник 3	велосипед 6	ботинки 3, брюки 5, рама 3, шляпа 4
Пересказчик #22	груш 26, камень 3, корзина 19, корзинка 4	>фервела< 3, дерево 3, земли 4, дороге 3, лестница 5	велосипед 7	бандана 13, джинсы 4, косы 5, лет 6, рубашка 8, усы 7, фартук 4, шевелюра 6, шляпа 16
Пересказчик #23	груши 17, камень 3, корзина 17	дерево 5, дорога 4, лестница 5	велосипед 12	возраст 4, лет 3, рубашка 3, шляпа 7
Пересказчик #4	груша 17, корзина 18	дерево 9, дорога 11, лестница 8	велосипед 9	косички 3, платок 4, шляпа 7

Рассказчик #22 записи, слушая дополнения комментатора, чаще использует движения Б типа⁷, то есть эхо от других частей тела, среди которых голова вперед или назад наиболее частотные. Некоторые лексемы, например, *момент*, сопровождаются адаптором. Повторяющуюся словоформу *штукой*, встречающуюся у комментатора в описательных конструкциях, он сопровождает кивком вниз, им же сопровождаются лексемы из категории 'объекты', в то время как уточнениям в описаниях часто сопутствуют наклоны головы вправо или влево. При сопоставлении реакций Пересказчика в этой же записи на рассказ самого Рассказчика, было выявлено, что Пересказчик заметно чаще использует кивки, маркируя им впервые появившиеся в повествовании неодушевленные существительные независимо от типа, т. е. рему. При этом, с учетом дизайна эксперимента, когда рассказчики

⁷ При аннотировании цефалического канала записей корпуса RUPEX разделялись собственно движения головы, которые впоследствии интерпретировались как жесты или типа А, и движения головы типа Б, которые возникали под влиянием других каналов, например, вследствие движений корпуса или рук.

сидят напротив пересказчиков, они могут не делать сами специальных движений головы для перевода взгляда⁸. Рассказчик #22 записи часто подчеркивает такие существительные не только прагматическими и указательными на руки жестами, но и движениями типа Б (эхо от корпуса или от движений рук, которые в этот момент чаще всего выполняют изобразительный жест). Комментатор, слушая рассказчика, изредка кивает, а на некоторых словах отворачивается от него и поднимает голову вверх, словно пытаясь представить кадр из фильма, о котором идет речь, и потом поворачивается обратно, например, на слове *багажник*. Сам Рассказчик в таких случаях просто поднимает голову вверх, как на слове *деталь*, без сопутствующего поворота головы.

Рассказчик в #4 записи маркирует неодушевленные существительные чаще всего наклоном головы вправо. Иногда ее наклон можно интерпретировать, как указательный жест на руки, в которых осуществляется изобразительный жест, обычно при описании персонажа или предмета. Наклон может быть и влево, часто связан с переносом рук влево при жестикуляции. Пересказчик выделяет кивками лишь некоторые из существительных в рематической позиции. Комментатор также кивает на некоторые существительные, в ряде случаев его жесты головы связаны с необходимостью рассмотреть жесты Рассказчика в мануальном канале. В то же время он иногда отвлекается на свои руки, в которых у него серия адапторов, и некоторые такие случаи можно интерпретировать как попытку сосредоточиться на своих воспоминаниях по поводу упомянутых событий или объектов речи. Комментатор, когда говорит сам, сопровождает жесты рук указательными и прагматическими жестами головы, а если не показывает ничего руками, то часто поворачивает голову то к Рассказчику, то к Пересказчику, отслеживая их реакции. Большая часть жестов Пересказчика в этот момент являются регуляторными, а некоторые из лексем она сопровождает прагматическими кивками. Сама Пересказчик фактически делает два пересказа: первый – когда уточняет детали, второй – когда собственно пересказывает. В первом использует прагматические и указательные

⁸ Значение такого перевода взгляда для маркирования темы и ремы у говорящего Гришина разбирает на стр. 477

жесты головы, сопровождая ими изобразительные в мануальном канале, во втором использует больше регуляторных и прагматических жестов.

Рассказчик в #23 записи также использует прагматические и указательные жесты на руки, подчеркивая изобразительные жесты мануального канала. Иногда сменяет их на регуляторные, когда проверяет свой рассказ по реакции Комментатора. Пересказчик слушает ее и часто кивает, что не привязано у него к отношениям теме-рема, носит прагматический характер. Поскольку Комментатор в этой записи использует жесты ног и иногда рук для иллюстрации того, что говорит рассказчик, то ее жесты либо регуляторные, когда она смотрит на Рассказчика, либо прагматические и указательные на ноги. Комментатор, когда дополняет рассказ, использует много изобразительных кластеров, объединяющих жесты мануального и цефалического каналов. Рассказчик в эти моменты предлагает свои варианты таких жестов, например, на словах "борода", "усы", "шортики", а иногда и на других словоформах: "джинсах", "горы", "ракурсы", которые Комментатор подчеркнула просто прагматическим жестом головы. Пересказчик использует в этих местах регуляторные жесты, переводя взгляд с одного собеседника на другого. Когда же наступает его черед рассказывать, он использует стратегии Рассказчика.

Таким образом, на разобранном материале видно, что кроме неодушевленности на выбор движения головы в большей степени влияют другие факторы: место в высказывании, тип существительного, степень его частотности, происходящее в мануальном канале и т. п. Так можно сказать, что у слушающих наиболее частотные из неодушевленных лексем чаще сопровождаются повторяющимися и по типу движения, и по функции жестами. В дальнейших исследованиях мы планируем сравнить жестовые ответы и у говорящих, и у слушающих на одинаковых лексемах, в том числе и на других записях корпуса.

Литература

Гришина Е.А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: 2017.

МУЛЬТИМОДАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ УЛЫБОК ДЛЯ РОБОТА Ф-2*

А. А. Зинина, А. А. Котов

Национальный исследовательский центр

«Курчатовский институт»

Московский государственный лингвистический университет

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

Zinina_aa@nrcki.ru

Улыбка является одним из ключевых мимических выражений в человеческой культуре. Различные виды улыбки могут выражать как позитивные эмоции (удовольствие, радость, доброжелательность, умиление), так и служить маркером насмешки, пренебрежения, иронии, выражать смущение, фрустрацию и страдание. Кроме того, улыбка используется в этикетных ситуациях: при приветствии, прощании, а также в ситуации оценки – для одобрения или согласия. Улыбка рассматривается как гомолог так называемого «игрового лица» у обезьян, демонстрирующего неагрессивный, игровой характер действий и призванный затормозить агрессию оппонента [Бутовская, 2004]. Ранее мы предположили, что улыбка тесно связывается в культуре с юмором. Для компенсации негативных эффектов от смещения смысла в анекдотах и остротах автор исходного высказывания – объекта шутки – должен принять смещение смысла как неагрессивное, не указывающее на его неадекватность [Котов, 2008]. Вместе с тем, в корпусе REC улыбки чаще всего (в 37% случаев) используются в конце собственного высказывания, обычно – чтобы снизить негативный эффект от потери социального лица при признании ошибки или при произнесении сомнительного предложения адресату (*Может вы мне зачёт просто так поставите?* <улыбка>).

Для нас интерес представляет воздействующий потенциал улыбки. Важно то, что даже если улыбка вызвана смущением или фрустрацией, то её потенциал воздействия (перлокутивный эффект) состоит в том, чтобы вызвать симпатию или одобрение адресата. Иными словами, улыбка передаёт не то состояние, которым она была вызвана. Улыбки могут влиять на отношение собеседника к адресанту

или к его высказываниям [Centorrino et al., 2015]. В исследовании [Scharlemann et al., 2001] было показано, что люди больше доверяют человеку, улыбающемуся на фотографиях, чем тому же человеку, представленному фотографиями с серьезным выражением лица. Восприятие воздействующего потенциала улыбок в динамике может быть исследовано в коммуникации с роботами-компаньонами. Если воздействие улыбок подтвердится, то их использование роботами существенно повысит привлекательность таких роботов для человека. В нашем исследовании мы анализируем функции и контексты употребления улыбок, а также описываем предварительный эксперимент с роботами Ф-2.

Коммуникативные функции улыбок

К моделированию улыбок для робота Ф-2 мы подходим с помощью анализа поведения в корпусе REC [Зинина и др., 2018]. Разметка корпуса позволяет оценить частоту встречаемости улыбки в различных коммуникативных функциях. При разметке корпуса мы исходили из того, что элементы коммуникативного поведения (или их комбинации — паттерны) могут выражать внутреннее состояние или воздействовать на адресата, в этом случае мы считали, что такие элементы обладают коммуникативной функцией. Коммуникативные функции размечаются в корпусе REC для всех движений, которые (а) намеренно выполняются адресантом для достижения некоторой коммуникативной цели или (б) выполняются произвольно, но могут быть достаточно однозначно поняты собеседником как проявление эмоции, намерения или внутреннего состояния адресанта. При разметке корпуса определенная коммуникативная функция приписывается мимике и движениям рук из существующей разметки корпуса в тех случаях, когда является достаточно определенной. Всего используются 35 коммуникативных функций [Котов, Зинина, 2015].

В корпусе REC улыбка чаще всего используется как реакция говорящего на собственную ошибку или переживание коммуникативной неудачи (например, ответ не был принят). Это функции *компенсация-закрытие* и *я-смущение-фрустрация* (см. рисунок 1). Адресант часто сопровождает улыбку другими закрывающими

жестами (закрывает нос или рот рукой). Мы считаем, что улыбка является непроизвольной реакцией на потерю говорящим социально лица с целью компенсировать эту потерю перед собеседником.

Другие частые коммуникативные функции улыбки, связаны с ориентацией на адресата: это *ожидание обратной связи* или *ты-позитивен-к-адресанту* (выражение позитивной оценки или позитивного настроения, попытка вызывать у собеседника симпатию к адресанту, кокетство с собеседником). В этих случаях улыбка является контролируемой реакцией, используемой с целью воздействия на адресата.

Рис. 1. Коммуникативные функции улыбок в корпусе REC

Из полученных данных видно, что улыбки могут быть вызваны определенным стимулом и непроизвольно передавать информацию в коммуникации, либо могут сознательно использоваться адресантом для достижения коммуникативной цели.

Предварительный эксперимент

Мы предприняли попытку проверить в эксперименте, повышает ли улыбка доверие к информации, сообщаемой роботом. Эксперимент был похож на игру «Верите ли вы, что...?» – два робота по очереди сообщали испытуемым (N=54) выдуманные или реальные факты, при

этом один из роботов после высказывания улыбался, а другой – нет. Испытуемые должны были после каждого высказывания оценить, верят ли они данному суждению или нет. Для этого испытуемые выбирали кнопку «правда» или «неправда» на мониторе. Согласно полученным результатам, значимых отличий в степени доверия к информации робота с улыбкой и робота без улыбки не обнаружено. Анализ скорости ответа при помощи Two-Way ANOVA также не показал значимых эффектов ни от улыбки, ни от ответа «правда», «неправда». Однако было обнаружено значимое взаимодействие между двумя факторами – роботу с нейтральным выражением лица участники быстрее отвечали «правда», в то время как роботу с улыбкой участники исследования отвечали «правда» и «неправда» с одинаковой скоростью. Возможно, улыбка робота включает механизмы межличностного взаимодействия, замедляющие скорость ответа, так как от человека требуется отдельно проанализировать лицевую экспрессию робота.

Расширенный анализ паттернов

Для развития поведения робота в дальнейших экспериментах мы проанализировали улыбки и контексты их употребления в корпусе. В функции компенсации люди часто демонстрируют закрытую улыбку, похожую на сжатые губы, без поднятия уголков рта (рисунок 2а). Контролируемая улыбка часто достаточно широкая, открытая по всей ширине (рисунок 2б).

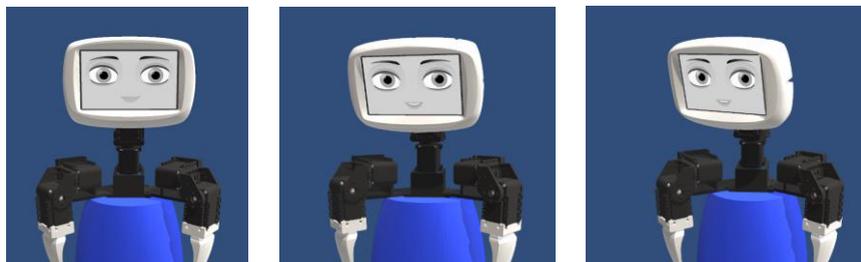
(а)

(б)

Рис. 2. Варианты выполнения улыбок: (а) улыбка, выражающая компенсацию; (б) улыбка, направленная на воздействие (контролируемая улыбка)

Совместно с контролируемой улыбкой испытуемые в корпусе комбинируют особые поведенческие паттерны: поворачивают голову

вбок или вниз, сохраняя при этом зрительный контакт, наклоняют голову к плечу, поднимают брови. Таким образом, они комбинируют улыбку со средствами запроса обратной связи. Добавление этих паттернов (см. рисунок 3) может позволить усилить эффект улыбки робота в последующих экспериментах.

(a)

(б)

Рис. 3. Добавление к исходному паттерну улыбки (а) поворота головы, поднятия бровей и открытой улыбки (б)

В динамическом поведении информанты в корпусе также используют совместно с улыбкой другие средства обратной связи: обращаются к адресату жестами, стучат по столу или перебирают пальцами в воздухе (как бы в нетерпении), прищуриваются, морщат нос и высовывают язык, а также чередуют эти паттерны, как бы преувеличивая игровой характер взаимодействия с адресатом. Воспроизведение такого поведения на роботе может позволить еще сильнее сократить коммуникативную дистанцию со стороны человека.

Можно заключить, что использование улыбки в коммуникации обладает широким потенциалом с точки зрения ее воздействующего потенциала. Это особенно актуально при моделировании поведения робота-компаньона, поскольку может существенно повлиять на воспринимаемую привлекательность робота для пользователя.

Литература

Centorrino S., Djemai E., Hopfensitz A., Milinski M., & Seabright P. (2015). Honest signaling in trust interactions: Smiles rated as genuine induce trust

and signal higher earning opportunities. *Evolution and Human Behavior*, 36(1), 8-16.

Scharlemann J. P., Eckel C. C., Kacelnik A., & Wilson R. K. (2001). The value of a smile: Game theory with a human face. *Journal of Economic Psychology*, 22(5), 617-640.

Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004. 440 с.

Зинина А.А., Аринкин Н.А., Зайдельман Л.Я., Котов А.А. Разработка модели коммуникативного поведения робота Ф-2 на основе мультимодального корпуса «РЕС» // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая — 2 июня 2018 г.)*. Вып. 17 (24), 2018. С. 831-844.

Котов А.А. Функции смеха в диалоге: ещё один взгляд на классическую проблему // *Человек в прошлом и настоящем: поведение и морфология*. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 31–48.

Котов А.А., Зинина А.А. Функциональный анализ невербального коммуникативного поведения // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 14. Т. 1. М.: РГГУ, 2015. С. 299-310.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00547, <https://rscf.ru/project/19-18-00547/>»

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В РЕШЕНИИ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ЗАДАЧ *

^{1,2}О. К. Ирисханова, ^{1,2}М. И. Киосе, ^{1,2}А. В. Леонтьева, ²О. В. Агафонова

¹Институт языкознания РАН

²Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

maria_kiose@mail.ru

В настоящем исследовании проводится анализ особенностей полимодального дейксиса в речи и жестах говорящих при порождении ими образцов экспланаторного дискурса. Материалом исследования являются записи речевого и жестового поведения говорящих, перед которыми была поставлена задача пояснения различий между однословными номинативными синонимами. Объектами анализа становятся контекстуальные значения дейктических слов в речи говорящих и функциональные типы жестов в их невербальном поведении. Мы предположили, что в ходе исследования их совместной встречаемости могут быть обнаружены дейктические координаты, выполняющие роль «точек роста» [McNeill 2005] для выбора значений дейктических слов и функциональных типов жестов.

Обращение к работам в области дейктической семантики [Levinson 2003; Majid et al. 2004; Shusterman and Li 2016], а также в области семантики речевого дейксиса [Падучева 2008; Борисова, Овчинникова 2011; Апресян 2014] показало, что в качестве систем координат, управляющих выбором дейктического слова и жеста, могут выступать эгоцентрическая и аллоцентрическая система, которые описываются четырьмя семантическими координатами: 1) «ближе к говорящему», 2) «дальше от говорящего», 3) «указание на пространство коммуникации», 4) «указание на пространство вне коммуникации». Гипотетически эти координаты в качестве «точек роста» могут стимулировать возникновение некоторых устойчивых паттернов синхронизации речи (дейктических слов, используемых для указания на эти координаты) и жеста.

В ранее проведенном нами исследовании [Ирисханова и др. 2022], тестирующем полимодальное поведение говорящего в ходе решения им метаязыковых задач, связанных с пояснением различий

между словами или объектами, мы установили, что говорящий часто выстраивает коммуникацию с опорой на две семантические координаты, «указание на пространство коммуникации» и «указание на пространство вне коммуникации». При этом были определены наиболее частотные дейктические слова в речи говорящих (ими оказались слова *вот*, 227 случаев, и *там*, 129 случаев), также было описано жестовое поведение, сопровождающее выбор каждого слова.

Для настоящего исследования, целью которого становится установление паттернов совместной реализации речи и жеста как проявлений точек роста, определяемых двумя координатами, «указание на пространство коммуникации» и «указание на пространство вне коммуникации», непосредственным материалом анализа стали 104 случая совместного использования дейктических слов *вот* и *там* и жестов при конструировании пространства коммуникации, 239 случаев – при конструировании пространства вне коммуникации и 4 случая совместного конструирования пространств обоих типов.

Для проверки гипотезы о наличии семантических координат, определяющих возникновение синхронизированных проявлений речи и жеста, в работе решаются два основных вопроса.

Во-первых, если гипотеза верна и с конструированием каждого из типов пространств связан выбор определенных жестов, то какие это жесты? С опорой на результаты, полученные в [Bangerter 2004; Cooperrider 2015; Kok and Cienki 2016], можно предположить, что для полимодального конструирования пространства вне коммуникации говорящий будет чаще использовать дейктические жесты указания. Так, в [Bangerter 2004; Cooperrider 2015] авторы пишут, что указательные жесты чаще используются для отсылки к более отдаленному объекту.

Во-вторых, как с конструированием каждого из типов пространств связан выбор дейктических слов? В данной работе нас интересует, каким образом происходит полимодальное конструирование пространства вне коммуникации со словом *вот*, семантика которого все-таки описывается переходами в рамках «пространства говорящего – общего пространства говорящего и слушающего» [Борисова, Овчинникова 2011: 156]? Вопрос возник в

связи с тем, что среди 227 случаев использования *вот* оказалось значительно больше примеров, в которых реализуется значение «указание на пространство вне коммуникации» (149), чем примеров, в которых реализуется «указание на пространство коммуникации» (83), что не согласуется с особенностями семантики дейктического слова и поэтому требует детального анализа.

Для ответа на первый вопрос анализу подверглись 347 случаев использования дейктических слов *вот* и *там*, в контекстуальной семантике которых есть указание либо на пространство коммуникации, либо на пространство вне коммуникации, с жестами 4 функциональных типов (дейктические, репрезентирующие, прагматические и адаптеры) и 17 их функциональных подтипов. На первом этапе был проведен регрессионный анализ (биномиальная логистическая регрессия), где в качестве независимых переменных (предикторов) рассмотрены типы жеста в индивидуальных проявлениях полимодального поведения (то есть в 347 случаях), а в качестве зависимых – две дейктические координаты (переменные отклика). Проведенный анализ показал, что значение зависимой переменной слабо предсказуемо с помощью распределения активности жестов (прогностическая сила регрессионных моделей составляет 0.078 и 0.079). Далее регрессионный анализ был проведен отдельно с каждым из трех типов жеста (дейктические, репрезентирующие и прагматические, без учета адаптеров) в качестве независимых переменных и двух дейктических координат в качестве зависимых. Однако и в этом случае мы не можем констатировать, что присутствие некоторых жестов хорошо согласуется с конструированием того или иного типа пространства (прогностическая сила моделей составила от 0.0097 до 0.0438). Причиной этого может быть в целом низкая встречаемость отдельных типов жеста в индивидуальном поведении.

Поэтому далее анализу подверглись распределения жестов в двух группах по всем участникам на предмет значимых различий. Для этого был проведен дисперсионный анализ ANOVA (непараметрический, так как данные распределены ненормально, что показал предварительно проведенный тест Шапиро-Уилка) между двумя рядами показателей типов жеста без учета адаптеров и с учетом адаптеров. В обоих случаях при значении $F(1, 29) = 8.07$ при $p = 0.005$

и $F(1, 31) = 9.0$ при $p = 0.003$, можно утверждать наличие значимых различий в показателях активности жеста, определяемых двумя дейктическими координатами. Были дополнительно проведены тесты на определение значимых различий отдельно по каждой из групп жестов, дейктических, репрезентирующих, прагматических. Установлено, что в отношении дейктических жестов значимых различий не наблюдается ($F(1, 5) = 3.0$ при $p = 0.083$), для репрезентирующих жестов различие наблюдается ($F(1, 9) = 5.33$ при $p = 0.021$), для прагматических жестов различие не наблюдается ($F(1, 13) = 3.57$ при $p = 0.059$). Полученные результаты позволяют утверждать, что именно особенности использования репрезентирующих жестов определяют конструирование пространства коммуникации или пространства вне коммуникации. Данные показывают, что из группы репрезентирующих жестов наибольшие различия обнаруживаются в использовании репрезентирующего жеста удержания, это 3 случая при реализации координаты «указание на пространство коммуникации» и 26 случаев при реализации координаты «указание на пространство вне коммуникации». Результаты представляются достаточно интересными, так как они позволяют сделать вывод о том, что говорящий чаще пытается «удержать» то, что не «находится» в ситуации общения, которой он дает пояснение.

То, что различие в представлении пространств коммуникации обнаружено в отношении репрезентирующих жестов, возможно, объясняется тем, что именно эти жесты в большей степени «отвечают» за конструирование пространства и движения. Так, например, резонансную в современной полимодальной семантике теорию конструирования информации (Information Packaging Hypothesis) исследователи жестового поведения [Kita 2000; Kita, Özyürek 2003; Alibali et al. 2017] тестируют именно на материале репрезентирующих жестов.

Если обратиться к сформулированной нами выше гипотезе о том, что основные различия должны наблюдаться в использовании дейктического жеста указания [Bangertter 2004; Cooperrider 2015], то можно констатировать, что она не подтверждается – отмеченные различия в использовании жестов в двух случаях (это соответственно, 8 и 23 случая) не являются статистически значимыми. Это можно

объяснить многозначностью указательных дейктических жестов, которые, как отмечают К. Кок и А. Ченки, «выполняют разные функции: они могут использоваться для привлечения внимания собеседника к некоторому референту в тексте или референту абстрактного типа; могут применяться для решения проблемы референциальной неоднозначности; или для того, чтобы передать или запросить возможность для коммуникативного хода» [Kok and Cienki 2016: 70].

Проверить наличие частных функций жеста представляется возможным, если рассмотреть их использование в полимодальном контексте. Так, из 31 случая использования дейктических жестов указания 9 случаев сопровождаются прагматическим жестом структурирования дискурса (из 30 случаев использования данного типа жеста), что свидетельствует о том, что это может быть указание не только на объекты в пространстве в или вне коммуникации, но на некоторые характеристики в последовательности конструирования этих объектов в дискурсе. Например, в образце / ну страх это может быть страх чего-нибудь определенного / то есть там науков.. / при произнесении *там* и конструировании пространства вне коммуникации говорящий использует сразу оба жеста, дейктический указательный жест и прагматический жест структурирования дискурса. Возможно, с помощью дейктического жеста указания говорящий хочет выделить или усилить прагматическую значимость компонента дискурса, представляющего часть пространства вне коммуникации. Очевидно, что сходную функцию эти жесты могут выполнять и применительно к ситуации коммуникации. Например, в / ну я бы сказала что... / ты.. / говоришь какую-то ерунду.. / а-а-а.. / **там..** / **вот** это какая-то.. / чепуха.. / ну я бы просто по-разному их сказала / при использовании в речи указательных слов *там* и *вот* говорящий использует эти же два типа жеста. Здесь указание совершается не столько на компоненты пространства коммуникации (здесь это высказывание), сколько на компоненты самого высказывания, передающие оценку.

В то же время дейктические жесты указания всего в 2 случаях сопровождаются адаптерами (из 134 случаев использования адаптеров!). Можно предположить, что если появление адаптеров

свидетельствует о проявлении некоторой доли неуверенности и сомнения, а также о возможности снятия стрессового состояния [Litvinenko et al. 2018], то введение дейктического жеста указания, напротив, не предполагает наличие такого сомнения в выделении некоторого компонента коммуникации как важного или получающего оценку.

Для ответа на второй вопрос о возможных причинах превалирования случаев конструирования пространства вне коммуникации (149 случаев против 83) со словом *вот*, мы обратились к контекстам использования этого слова, а также к случаям совместного использования сопровождающих это слово жестов с другими жестами. Так, как мы указывали выше, конструирование пространства вне коммуникации часто происходит с использованием репрезентирующего жеста удержания. Рассмотрим два примера выбора данного жеста с *вот*.

Рис. 1а

*/ ни при каких обстоятельствах
нельзя вот прям вот предать там
или что-нибудь там /*

Рис. 1б

*/ а пламя это ну вот условно
ты смотришь там /*

На Рис. 1а представлен пример использования слова *вот* с репрезентирующим жестом удержания, в ближайшем контексте которого обнаруживается выражение интенсификации *вот прям*, введение которого сопровождается прагматическим жестом выражения отношения / оценки. Возможно, в данном случае мы наблюдаем пример иммерсивности, или погружения, говорящего в ситуацию вне

коммуникации уже не в качестве ее внешнего наблюдателя, но ее участника, выражающего оценку компонентов этой ситуации. Сходную ситуацию наблюдаем на Рис. 1б, где говорящий хотя и не использует жесты других типов, но в речи демонстрирует проявления рассуждения (дискурсивные маркеры *ну, условно*, личное местоимение *ты* в прагматическом значении ‘человек (любой)’); также значимо отведение взгляда от лица собеседника (как бы погружение в себя), что типично для ситуаций сомнения и введения новой темы в разговор [Brône, Feuyaerts & Oben 2013]. Таким образом, говорящий хотя и конструирует ситуацию вне коммуникации, но в ней он является либо одним из участников (пример на Рис. 1а), либо внутренним наблюдателем (пример на Рис. 1б). Такое конструирование коммуникации, возможно, и стимулирует появление в речи слова *воп*, семантика которого описывается «пространством говорящего» и «общим пространством говорящего и слушающего» [Борисова, Овчинникова 2011].

В целом, проведенный анализ позволил установить, что пространственный дейксис в коммуникации может выполнять роль «точки роста» для координации речи (выбора слов с дейктической семантикой) и жеста (функциональных типов жеста). Установлено значимое различие в выборе паттернов полимодального поведения при решении говорящими метаязыковых задач, где этот выбор стимулируется дейктическими координатами «пространство коммуникации» и «пространство вне коммуникации». Наибольшее различие обнаружено в использовании репрезентирующего жеста удержания, который чаще встречается для конструирования пространства вне коммуникации; также различия обнаружены и в использовании дейктического жеста указания. В качестве возможной причины высокой частотности слова *воп* (с семантикой, описывающей пространство говорящего) при конструировании пространства вне коммуникации, рассмотрены некоторые проявления дискурсивной или коммуникативной иммерсивности говорящего, или его погружения в ситуацию вне коммуникации (в качестве участника или внутреннего наблюдателя).

Литература

Апресян В.Ю. (2014). Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов. *Русский язык в научном освещении*, 27(1), 9–41.

Борисова Е.Г., Овчинникова Т.Е. (2011). Параметр близости в метафорическом пространстве. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 10, 153–158.

Ирисханова О.К., Киосе М.И., Леонтьева А.В., Агафонова О.В. (2022). Полиmodalный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 4, 17–31.

Падучева Е.В. (2008). Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 7(14), 412–419.

Alibali M., Yeo A., Hostetter A., and Kita S. (2017). Representational gestures help speakers package information for speaking. In R.B. Church, M.W. Alibali and S.D. Kelly *Why Gesture? How the Hands Function in Speaking, Thinking and Communicating* (pp. 15–37). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Bangerter A. (2004). Using pointing and describing to achieve joint focus of attention in dialogue. *Psychological Science*, 15, 415–419.

Brône, G., Feyaerts, K. & Oben, B. (2013). Multimodal turn-taking in dialogue: on the interplay of eye gaze, speech and gesture. *Proceedings of AFLiCo5: Empirical approaches to multi-modality and to language variation*, 21–22.

Cooperrider K. (2015). The co-organization of demonstratives and pointing gestures. *Discourse Processes*, 53, 632–656.

Kita S. (2000). How representational gestures help speaking. In D. McNeill (ed.) *Language and Gesture* (pp. 162–185). Cambridge: Cambridge University Press.

Kita S. and Özyürek A. (2003). What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal? Evidence for an

interface representation of spatial thinking and speaking? *Journal of Memory and Language*, 48, 16–32.

Kok K.I. & Cienki A. (2016). Cognitive Grammar and gesture: Points of convergence, advances and challenges. *Cognitive Linguistics*, 27 (1), 67–100.

Levinson S.C. (2003). *Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity*, Cambridge University Press, Language, Culture and Cognition 5.

Litvinenko A.O., Kibrik A.A., Fedorova O.V., Nikolaeva J.V. (2018). Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 5 (2), 4–17.

Majid A., Bowerman M., Kita S., Haun D.B.M. & Levinson S.C. (2004). Can language restructure cognition? The case for space. *Trends in Cognitive Science*, 8, 108–114.

McNeill D. (2005). *Gesture and Thought*. Chicago: University of Chicago Press.

Shusterman A. & Li P. (2016). A Framework for Work on Frames of Reference. In D. Barner, A.S. Baron, *Core Knowledge and Conceptual Change* (pp. 191–206). Oxford: Oxford University Press.

*Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект № FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

СЛОВО И ЖЕСТ ПРИ СОВМЕСТНОМ ПОСТРОЕНИИ В ДИАЛОГЕ*

Н. А. Коротаев

*Институт языкознания РАН
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
n_korotaev@hotmail.com*

Совместное построение — диалогическое явление, суть которого заключается в том, что два (или более) участника сообща реализуют единую синтаксическую структуру. В наиболее стандартном случае первый участник начинает построение, а второй его заканчивает [Гренобль 2008]. Совместному построению посвящена обширная литература (см., в частности, обзор в [King 2018]), при этом наиболее полно изучена речевая составляющая этого явления. В то же время при совместном построении, как и при решении других задач, возникающих в естественном устном взаимодействии, участники диалога также опираются и на другие коммуникативные ресурсы, или каналы: жестикуляцию, движения глаз и проч. [Müller et al. eds. 2013/14]. Как именно эти каналы используются и взаимодействуют с речью в контексте совместного построения, известно хуже (но см., например, [Kalkoff, Dressel 2019]). В настоящем докладе представлено описание коммуникативных стратегий совместного построения, выполненное на материале мультимедийного корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» (<https://multidiscourse.ru/>; [Kibrik, Fedorova 2018]). Основной фокус внимания направлен на то, в какой степени контекст совместного построения обусловлен стремлением участников к кооперации или, напротив, к конкуренции внутри диалога; а также на то, какие вокальные и невокальные ресурсы участники при этом (не) используют.

Кратко напомню, что корпус «Рассказы и разговоры о грушах» состоит из однотипных записей, в каждой из которых трое участников (N — Рассказчик, C — Комментатор и R — Пересказчик) рассказывают и обсуждают сюжет «Фильма о грушах» [Chafe ed. 1980]. Совместные построения в записях корпуса возникают на этапе разговора, в рамках которого R стремится уточнить подробности

содержания фильма, а N и C отвечают на запросы R, а также могут дополнительно обсуждать спорные детали друг с другом.

Анализируя случаи совместного построения, я исхожу из того, что со структурной точки зрения они представляют собой последовательность из трех дискурсивных шагов (близкие идеи были высказаны, в частности, в [Mondada 1999]):

(i) Иницилирующее действие первого участника (далее — U1). Оно обязательно включает в себя вокализацию начальной части синтаксической конструкции; также оно может содержать в себе невокальную поддержку.

(ii) Подхватывающее действие второго участника (далее — U2). U2 достраивает начатую на первом шаге синтаксическую конструкцию. При этом для интерпретации действия U2 также могут быть существенными (обычно невокальные) сигналы U2 на первом шаге.

(iii) Реакция U1 на действия U2.

При реализации каждого из этих трех шагов участники могут по-разному сигнализировать о своих коммуникативных намерениях, координируя свое речевое и невокальное поведение и формируя, таким образом, мультимодальные кластеры, о которых писала в своих работах Елена Александровна Гришина [Гришина 2017: 21 и др.]. Комбинации таких кластеров могут быть достаточно разнообразными; и вместе с тем в рассмотренном материале, на мой взгляд, выявляется несколько регулярно встречающихся типов, контрастирующих между собой по характеру кооперации vs. конкуренции участников. Далее я кратко охарактеризую три таких типа и проиллюстрирую их примерами из корпуса. Для наглядности сопоставления во всех примерах задействованы одни и те же участники: Рассказчица и Комментатор одной из записей. В примерах речевые компоненты совместно построенных конструкций выделены полужирным, а вклад каждой участницы набран отдельным шрифтом: Times для Рассказчицы, Calibri для Комментатора; при наличии наложений начала участков одновременного говорения примерно показаны при помощи квадратных скобок и горизонтального выравнивания.

1. «Запрошенное сотрудничество»

Этот тип наиболее близок к «классическим» случаям совместного построения, традиционно описываемым в литературе. На

первом шаге У1 не просто начинает строить некоторую синтаксическую конструкцию, но и подает запрос на сотрудничество со стороны У2. Таким запросом могут быть речевые сигналы хезитации, «приглашающая» жестикуляция или установление зрительного контакта.

Именно зрительный контакт выступает в роли такого сигнала в примере (1). До начала реализации конструкции N и С каждая смотрели на R, которая только что задала вопрос; начиная произносить строку N-vE140, N поворачивается к С, ища с ней зрительный контакт и запрашивая таким образом помощь для более точного описания возраста персонажа фильма. В свою очередь, С (возможно, услышав некоторую неуверенность в словах N), также переводит взгляд от R к N (см. рис. 1) и предоставляет запрошенную помощь, которую N благосклонно принимает: повторяет сказанное С и совершает утвердительный кивок головой.

(1) Pears37: «чуть постарше»

N-vE139 /Девочка кстати,

N-vE140 **было ей как будто лет** [Vдвена-адцать...

C-vE025 % [чуть по= || \постарше,

N-vE141 \Постарше!

C-vE026 -да.

Рис. 1. Направление взгляда у участниц N (сидит справа) и С (сидит слева) до начала фрагмента (1) (кадр слева) и в момент произнесения N слова *было* (кадр справа)

2. «Незапланированное сотрудничество»

При совместном построении этого типа У1 не подает видимых сигналов, которые было бы естественно интерпретировать как запрос

на сотрудничество. При этом У2, уловив возможность, вступает со своим продолжением начатой конструкции, и это действие в итоге оценивается У1 как допустимое или даже желательное.

В примере (2) N выполняет описания сцены из фильма, обращаясь к R; в это время С смотрит на N, пытаясь определить, в какой момент она сможет вступить со своим (незапрашиваемым) продолжением, см. левый кадр на рис. 2. Непосредственно перед своим вступлением С совершает быструю серию переводов взгляда от N к R и обратно, пока окончательно не фиксирует взгляд на R. Услышав, что С предложила свое завершение начатой конструкции, N вскоре прерывает вокализацию, поворачивает голову к С (правый кадр на рис. 2) и с утвердительной интонацией повторяет сказанное, как бы постфактум лицензируя право С на участие в совместном построении. (2) Pears37: «и спускается»

- N-vE288 он просто вот || (ш) /кадры,
- N-vE289 что он три там четыре груши с= || /сдирает,
- N-vE290 (\[да,
- C-vE166 % [и || и \спускается.
- N-vE291 то есть ≈≈)
- pN-107 ()
- N-vE292 и \спускается.
- C-vE167 То есть не было /такого,
- C-vE168 что у него вот там о= || огромный \передник,
- C-vE169 набирается этих \груш.

Рис. 2. Направление взгляда у участниц в двух участках фрагмента (2): в момент произнесения N слова *кадры* (кадр слева) и в момент произнесения N слова *спускается* (кадр справа)

3. «Неслучившееся взаимодействие»

В тех случаях, когда У1 не формирует видимого запроса на сотрудничество, продолжение, предложенное У2, может быть просто проигнорировано. В таких ситуациях У1 продолжает самостоятельно реализовывать свой коммуникативный замысел, не обращая внимания на вклад У2. В примере (3) N описывает персонажа фильма, обращаясь к R и отвечая на вопрос о головном уборе. В это время С также смотрит на R, вероятно, считая необходимым удостовериться, что та в должной степени понимает сказанное. С окончанием строки N-v353 она бросает короткий взгляд на N и предлагает расширение реализованной синтаксической структуры. В свою очередь, N никак не реагирует на поступившее продолжение и продолжает обращаться к R, как если бы уточнения со стороны С не поступало.

(3) Pears37: «без шляпки»

- N-vE352 Ну она /едет,
N-vE353 (?) (Она просто с \косами.)
N-vE354 а [он в /шляпе,
C-vE209 [Без \шляпки.
N-vE355 (ΛОн был в шляпе,
N-vE356 ма= || Λмальчик.)

Поступившее без запроса продолжение конструкции также может вызвать со стороны У1 видимую негативную реакцию и быть расценено как неуместный дискурсивный шаг. Этот тип встречается в корпусе относительно редко, для рассматриваемых в иллюстрациях участниц такой способ взаимодействия не характерен.

Литература

Гренобль Л. (2008). Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге // Вопросы языкознания, № 1. С. 25–36.

Гришина Е. А. (2017). Русская жестикация с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: ЯСК.

Chafe W. (ed.). (1980). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood, NJ: Ablex.

Kalkoff A. T., Dressel D. (2019). Co-constructing utterances in face-to-face-interaction: A multimodal analysis of collaborative completions in spoken Spanish // *Social Interaction. Video-Based Studies of Human Sociality*, 2(2).

Kibrik A. A., Fedorova O. V. (2018). Language production and comprehension in face-to-face multichannel communication // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 17(26). С. 305-316.

King A. (2018). Collaborative completions in everyday interaction: A literature review // *Studies in Applied Linguistics & TESOL*, 18(2). С. 1-14.

Mondada L. (1999). L'organisation séquentielle des ressources linguistiques dans l'élaboration collective des descriptions // *Langage et Société*, 89(1). С. 9-36.

Müller C., Cienki A., Fricke E. et al. (eds.) (2013/14). *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction*. 2 vols. Berlin: De Gruyter Mouton.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект № FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ ЖЕСТЫ И ИХ СИНХРОНИЗАЦИЯ С РЕЧЬЮ*

Ю. В. Николаева

МГУ им. М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

julianikk@gmail.com

Жесты и речь, согласно общепринятому тезису, выраженному, в частности, Д. Макнилом [McNeill 1992], синхронизированы по времени, значению и прагматическим характеристикам. Я. Брессем в книге [Bressem 2021] показала, что жесты соответствуют речи, помимо точной временной координации, также с точки зрения синтаксических значений. С другой стороны, кинетические средства часто сравнивают с просодическими, говоря об их аналоговом характере в противоположность дискретному характеру звучащих и жестовых языков; говоря о просодии, часто отмечают синхронизацию по времени фразового удара и маховой фазы жеста. Кроме того, высказывались гипотезы о совпадении направления в движении руки и тона. Косвенно об этом говорит в своей книге Е. А. Гришина (2017: 98), когда показывает, что вопрос (обычно выражаемый ИК-2 или ИК-3, т. е. с повышением тона) и восклицание (ИК-5 и ИК-6, [Гришина 2017: 312]) коррелируют с движением руки вверх (также про связь восклицательной интонации и жестового маркера восклицания «вскинуть руку» см. с. 547-549).

Хотя исследований, касающихся синхронизации жестов и речи по времени, было довольно много (см. в частн. [Valbonesi et al. 2002] и [Loehr 2004]), про направление движения тона и руки известно гораздо меньше. Однако можно отметить работы Д. Болинджера [Bolinger 1983] о тенденции к совпадению направления в интонации и жесте, Э. Макклея [McClave 1998] о различиях между испытуемыми и Х. Балог и Д. Brentари [Balog, Brentari 2008] о совпадении направления движения жеста и тона у детей.

В качестве материала данного исследования были выбраны монологи Рассказчиков из эталонного подкорпуса RUPEX [Кибрик 2018, <https://multidiscourse.ru>]. Всего в трех монологах (04N, 22N и 23N) встретилось 410 жестов, которые можно было

сопоставить с ЭДЕ или ее частью, из них для 388 было указано направление движения тона в соответствующем фрагменте (остальные 22 — фальстарты или фрагменты ЭДЕ, когда на части с акцентоносителем был другой жест). Как оказалось, самые частые случаи в каждом из каналов — это движение тона вверх, а жеста — вниз, и эти же два признака чаще других встречаются вместе, таким образом буквальное понимание параллелизма направления тона и жеста не подтвердилось. Но среди движений рук выделялась группа повторяющихся жестов, для которой тезис о синхронизации с просодией проявился нетривиальным образом. В эту группу были выделены только точные повторы жестов на разных ЭДЕ, т. е. на нескольких следующих подряд просодических единицах. Что характерно, почти всегда в таких цепочках (состоящих обычно из 2-3 жестов и ЭДЕ) содержательно жест соответствовал последней ЭДЕ, т. е. его первое появление опережало соответствующее вербальное описание (см. в частн. [ter Bekke et al. 2020]). При этом при движении от начала к концу цепочки повторяющихся жестов уменьшилась доля таких, которые были синхронизированы с фразовым ударением по времени, но стала больше доля жестов, совпавших по направлению движения тона.

Надо признать, что примеров с цепочками идентичных жестов было немного (29 жестов, которые были последними в цепочке, и 38 не последними), поэтому для подтверждения этих наблюдений требуется корпус большего объема.

Литература

Кибрик А. А. (2018). Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований. Психологический журнал. 39(2). С. 79–90.

Balog H. L., Brentari D. (2008). The relationship between early gestures and intonation. *First Language*. 28(2). С. 141–163.

Bolinger D. (1983). Intonation and Gesture. *American Speech*. 58(2). С. 156–174.

Bressem, J. (2021). Repetitions in Gesture: A Cognitive-Linguistic and Usage-Based Perspective. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.

Loehr D. (2004). Gesture and Intonation. Ph.D. thesis, Georgetown University, Washington, Dc.

McClave E. (1998). Pitch and Manual Gestures. *Journal of Psycholinguist Research*. 27. P. 69–89.

McNeill, D. (1992). Hand and mind: What gestures reveal about thought. University of Chicago Press.

ter Bekke, M., Drijvers, L., & Holler, J. (2020). The predictive potential of hand gestures during conversation: An investigation of the timing of gestures in relation to speech. *PsyArXiv*. 19 June.

Valbonesi L., Ansari R., McNeill D., Quek F., Duncan S., McCullough K. E., Bryl, R. (2002). Multimodal signal analysis of prosody and hand motion: Temporal correlation of speech and gestures. In 2002 11th European Signal Processing Conference (pp. 1-4). IEEE.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ ОПИСАНИЯ

Б. В. Орехов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
nevmenandr@gmail.com*

В трудах Е. А. Гришиной подробно исследуется жестикуляция в лингвистической перспективе. Исследователь исходит из того, что жесты с определенной степенью регулярности сопровождают речь. В то же время некоторые современные подходы к исследованию сходного объекта смотрят на него иначе, не включая регулярные отношения языка и жеста в число значимых аспектов описания. Доклад будет посвящен рассмотрению разницы в методологии Е. А. Гришиной и представителей такого научного направления, как конверс-анализ.

ЖЕСТОВЫЕ ЦИТАТЫ И ПРОБЛЕМЫ ГЛУБОКОЙ РАЗМЕТКИ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО РУССКОГО КОРПУСА

С. И. Переверзева

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
p_sveta@hotmail.com*

Доклад будет посвящён жестовой цитате – понятию, которое, насколько нам известно, ранее подробно не рассматривалось в научной литературе, посвящённой бытовым жестам. Под жестовой цитатой мы имеем в виду достаточно точное воспроизведение жеста или позы, отсылающих участников диалога и/или наблюдателей к хорошо известной им ситуации, в которой эти невербальные знаки были употреблены впервые. Например, в фильме Марка Захарова «Гот самый Мюнхгаузен» жена Мюнхгаузена Марта целует главного героя со словами «Я предаю тебя» (отсылка к библейскому поцелую Иуды), а на картине Караваджо «Призвание апостола Матфея», как отмечает М.А. Чернышева, Иисус «поднимает... кисть, указывая на мытаря (будущего апостола Матфея). Этот жест – цитата из «Сотворения Адама» Микеланджело» [Чернышева 2014: 166].

В докладе планируется также уделить внимание невербальному поведению человека, которое близко к жестовой цитате по некоторым признакам, но при этом, по-видимому, не является ею. Это, в частности, такие случаи, когда жест, который однажды был исполнен кем-то знаменитым в какой-то конкретной ситуации, становится общеупотребительным (ср. жест «Виктория», который вошёл в обиход благодаря Уинстону Черчиллю) или когда повторяется не отдельный жест, а поведение человека (или нескольких людей) в целом (ср. многочисленные вербально-невербальные цитаты из фильма «Ирония судьбы» в фильме «Ирония судьбы. Продолжение» или серию «Опять двойка» из киножурнала «Ералаш», в которой персонажи, действуя синхронно и согласованно, воспроизводят одноимённую картину Ф.П. Решетникова).

Отдельно мы остановимся на проблемах, которые жестовые цитаты ставят перед разметчиками фильмов, входящих в Мультиме-

дийный русский корпус (МУРКО). В настоящее время в МУРКО предусмотрена разметка жестов, сигнализирующих о том, что говорящий передаёт чужую речь. Такого рода жесты уже неоднократно становились предметом исследований; так, в жестовых языках существуют особые «жесты-цитаты», или “quoted signing”, используемые в тех случаях, когда говорящий «воспроизводит высказывания разных участников данной ситуации» [Taub 2001], цит. по [Тимофеева 2013]. Между тем нет никакого способа разметить жест, которой является цитатой сам по себе; при этом такой жест, на наш взгляд, передаёт очень важную для зрителя информацию. В заключение мы хотели бы поднять вопрос о том, следует ли включать жестовые цитаты в глубокую разметку МУРКО.

Литература

Тимофеева М. К. Классификация иконических знаков русского жестового языка // Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013. С. 272—288.

Чернышева М. А. Мимесис в изобразительном искусстве: от греческой классики до французского сюрреализма: учеб. пособие. СПб, 2014.

Taub S. F. Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language. Cambridge, 2001.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ В НЕПОДГОТОВЛЕННЫХ УСТНЫХ РАССКАЗАХ

В. И. Подлеская

*Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
vi_podlesskaya@il-rggu.ru*

Данное исследование продолжает серию работ о функционировании цитационных конструкций в живой речи, см. [Подлеская 2017; Подлеская 2018]. На этот раз материалом послужила пилотная версия нового звукового корпуса «Что я видел». Это коллекция личных рассказов испытуемых 25-35 лет, одна группа которых страдает паническим расстройством, а другая – контрольная – не имеет неврологического диагноза. У каждого испытуемого записано два рассказа – об истории из жизни и о запомнившемся сновидении, причем каждый в двух версиях, устной и письменной. Письменную версию испытуемый записывает от руки, собрание сканов письменных версий позволяет исследовать не только сегментную сторону текста, но и самоисправления (зачеркивания), авторскую орфографию и пунктуацию и проч. Изначально корпус создается для решения прикладной задачи – установить объективные языковые особенности в текстах личных рассказов пациентов с невротическим расстройством, которые могли бы использоваться в качестве вспомогательного критерия при медицинской диагностике неврозов. Вместе с тем, мультимодальность этой коллекции позволяет использовать ее для решения многих других лингвистических задач. В частности, становится возможным исследовать функционирование некоторого языкового феномена в сходных контекстах, но в двух разных модусах – устном и письменном. Этой возможностью пользуется и настоящее исследование. Наша задача – показать, каким инвентарем языковых средств пользуется говорящий, если ему необходимо включить чужую речь в свой нарратив, и, по возможности, установить, отличается ли этот инвентарь в устном и письменном модусах.

Важнейший вывод, который позволяет сделать используемый нами материал, состоит в следующем. В неподготовленном устном нарративе прямая речь редко следует своему прототипическому образцу, который предполагает прагматическую, грамматическую и просодическую автономию цитаты и авторской ремарки. Напротив, нарратор постоянно «вмешивается» в цитируемый фрагмент, подчиняя его задачам развертываемого рассказа. В письменных версиях того же сюжета эта тенденция становится еще более заметной: нарратор вообще старается уклониться от прямой цитаты, отдавая предпочтение формату косвенной речи или даже простому упоминанию имевшего места речевого эпизода без какого бы то ни было включения чужой речи. В докладе мы продемонстрируем некоторые явления, которые свидетельствуют в пользу такого вывода.

1. Снятие просодии прямой речи

Если цитата встраивается в нарративную цепочку, то она может просодически оформляться по правилам, которые диктуются положением в этой цепочке, а не тем, как должно было оформляться цитируемое высказывание. Например, в (1) в строке E082 цитируется вопрос, а в строке E087 – сообщение. Однако обе строки – незаключительные элементы нарративной цепочки (это пересказ диалога), поэтому они артикулируются с интонацией перечисления (открытого списка) по типу ИК6 в терминологии интонационных конструкций, см. [Брызгунова 1982], т.е. с подъемом на ударном слоге и отсутствием выраженного падения на заударных¹:

(1)

E079	^и-и \спра <u>ш</u> иваю,
E080	у – <u>Д</u> аши-и.
E081	«– <u>Ч</u> то,
E082	\с <u>е</u> годня прогулка в /→ <u>с</u> иле?»,,,
p036	(0.86)

¹ Для указания на направление движения тона на ударном слоге иконически используются знаки «/», «\» и «–»; на заударных и предупредных – стрелки. Ударный слог слова – носителя рематического акцента подчеркивается. О других деталях используемой системы просодической транскрипции см. [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009].

E083	(э 0.41) на что мне говорят «\A!
E084	\ой!
E085	–блин,
E086	я \забыла,
E087	я еду я еду на /→дачу.»,,,
p037	(1.43)
E088	(за полчаса до –до того как мы должны были – встретиться.)

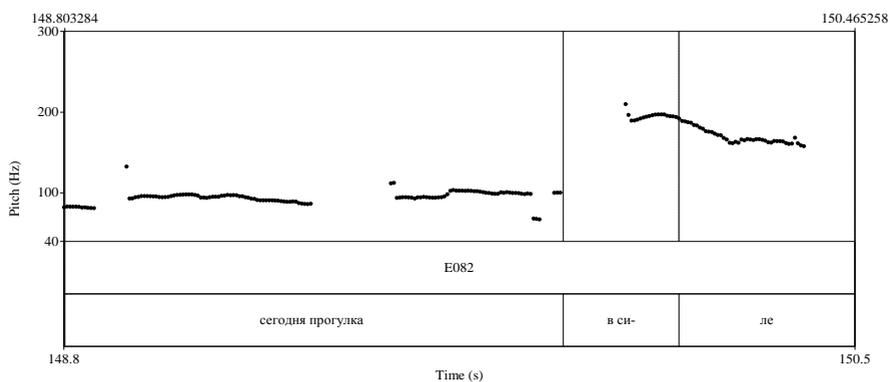

Рис. 1. Интонограмма к примеру (1) строка E082

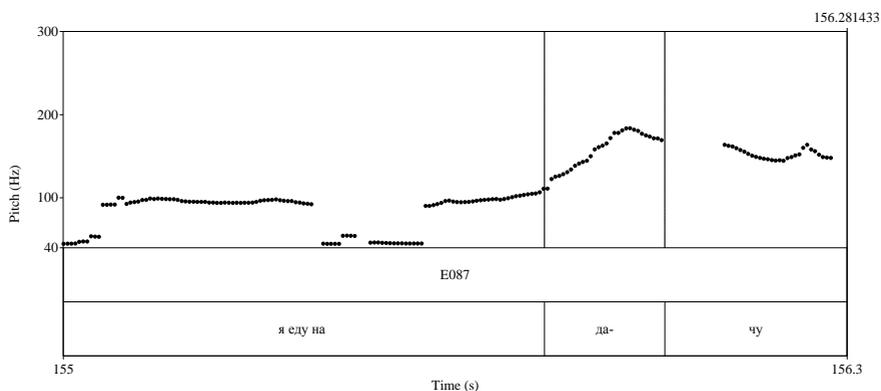

Рис. 2. Интонограмма к примеру (1) строка E087

Сходным образом, с восходяще-ровным тоном по типу ИК6 артикулируются строки E141 и E142, в примере (2), к которому мы обратимся в следующем разделе. Эти строки в исходной речи цитируемой говорящей были, соответственно, восклицанием и вопросом, т. е. должны были оформляться просодически совершенно иначе.

2. Речевые сбои внутри и вокруг цитаты

В неподготовленной речи нарратора, естественным образом, наблюдаются заминки, повторы, самоисправления. В частности, нарратор может оказаться неудовлетворен тем, как он предъявил чужую речь, и модифицировать цитату. Следующий пример наглядно иллюстрирует напряженную работу нарратора, подбирающего адекватную формулировку:

(2)

E140	\Она говорит:
E141	«/-Блин,,,
p052	(0.56)
E142	а можешь /-подождать?...
p053	(2.66)
E143	^Давай в тако= ==
E144	Да= /давай при= ==
E145	(? 0.38) Да= давай в \такое-то ==»
E146	\Нет,
E147	не в та= ==
E148	Она не \сказала:
E149	«В такое-то ↑\время.»!
p054	(0.42)
E150	Она сказала-а (0.20) типа «Ну /вот,
E151	мне нужно /-сделать то-то то-то \то-то.»

Как видим, строки E143-145 оборваны, а дальше нарратор выходит на экспликацию своей речевой проблемы. Он объявляет, что первоначально предполагавшееся и оборванное в строках E143-145 выражение *Давай, приходи в такое-то время* является неточным и дает новую версию цитаты. Отметим, что новая версия в строках E150-151

не полностью соответствует прототипу прямой речи, предполагающему, что цитата должна приводиться *verbatim* – здесь есть аппроксиматор *mina*, а также показатель открытого списка *то-то то-то то-то*, который не мог принадлежать речи цитируемой говорящей, как и первоначально предполагавшееся *в такое-то время*.

Обычно самоисправления нарратора касаются сегментного материала, но в некоторых примечательных случаях ревизии может подвергнуться интонация. Так, в примере (3) в строке E062 цитируемое «Нет» произносится сначала с интонацией незавершенности по типу ИК3 (резкий подъем тона), которая проецирует у слушающего ожидание продолжения. Однако уже произнеся этот фрагмент, нарратор понимает, что продолжения последовать не должно было, и находит оригинальный выход из ситуации – он точно повторяет всю цитационную конструкцию, т. е. авторскую ремарку и цитату, но уже с интонацией завершенности (ровный тон на «Нет» в резко сниженном регистре – перцептивный аналог ИК1):

(3)

E062	(? 0.49) Мне говорят «/Нет!»»,
E063	\ну,
E064	мне говорят «–Нет.»»

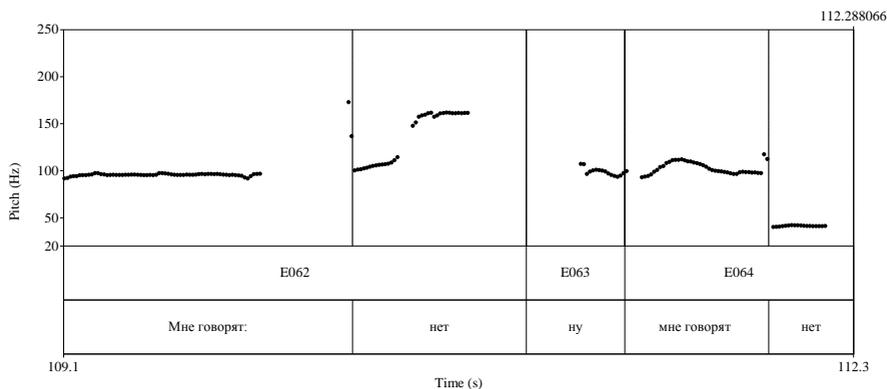

Рис. 3. Интонограмма к примеру (3) строки E062-E064

3. Нарушения правил индексального сдвига

Нарратор может достаточно вольно обращаться с индексальными выражениями. В частности, индексальные выражения, ориенти-

рованные на «внутреннего» (цитируемого) говорящего могут быть вынесены за пределы цитаты и в неизменном виде употреблены нарратором в собственной речи. Так, в следующем примере подводится итог цитируемому диалогу, в ходе которого собеседники назначили встречу на день, следующий после момента цитируемой речи. В системе координат цитаты для этого дня правильная номинация – «завтра». Однако во временных координатах нарратора, за пределами цитаты, должен был произойти индексальный сдвиг и правильной номинацией было бы «на следующий день». Тем не менее этого не происходит – нарратор остается на дейктической позиции внутренней говорящей и использует «завтра»:

(4)

E069	Ну мы /договорились встретиться –завтра.
p030	(0.74)
E070	(э 0.66) /Завтра был –понедельник.

Примечательно, что в письменной версии этого эпизода индексальный сдвиг есть: «...пытаюсь назначить встречу в парке на ближайший свободный день...»

4. Письменная версия рассказа: отказ от цитирования в пользу описания речевого события

Приведенные выше примеры (1) – (4) – фрагменты устного рассказа, в центре которого цитируемый нарратором протяженный диалог с девушкой, посвященный планированию предстоящей встречи. Однако в письменном изложении того же сюжета эта часть беседы свернута до следующего пассажа: «В день встречи выясняется, что она забыла, построила другие планы и после уточнения всех деталей мне пришлось ждать около полутора часов». В работе [Подлеская 2017] на другом материале (корпус «Веселые истории из жизни», см. [SpokenCorpora 2013]), была обнаружена следующая тенденция: при переходе от устной версии к письменной степень экспликации речевого события либо остается той же, либо понижается, т. е. косвенная речь становится более предпочтительной, чем прямая, а косвенная, в свою очередь, уступает место описанию речевого события без введения чужой речи. Предварительный анализ пилотной версии нового корпуса «Что я видел» показывает, что этот материал следует той же тенденции. Мы рассчитываем, что по завершении разметки

нового корпуса мы сможем дополнить этот качественный вывод количественным анализом.

Разумеется, мы продемонстрировали лишь некоторые явления, позволяющие судить об инструментарии, которым располагает нарратор при введении чужой речи. Но даже эти локальные наблюдения показывают, насколько в устной речи этот инструментарий оказывается более разнообразным, чем в письменной. Статус цитационных конструкций, критерии противопоставления прямой и косвенной речи широко обсуждаются в новейшей теоретической и типологической литературе. Достаточно привести в пример работы Т. Никитиной [Spronck, Nikitina 2019; Nikitina, Bugaeva 2021], вызвавшие интенсивную дискуссию. С нашей точки зрения, систематическое подключение материала неподготовленной устной речи, в том числе, данных о просодии цитирования, позволили бы придать этой дискуссии новый важный импульс.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1982. С. 103–118.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.

Подлеская В. И. Стратегии передачи чужой речи в устном дискурсе в сравнении с письменным: опыт корпусного исследования // CORPUS LINGUISTICS – 2017. Труды международной конференции «Корпусная лингвистика 2017. / Захаров В. П. (ред.). СПб: С.-Петербургский гос. университет, 2017. С. 287–294

Подлеская В. И. «Чужая» речь в свете корпусных данных // Вопросы языкознания, № 4, 2018. С. 47–73.

Nikitina Tatiana, Bugaeva Anna. Logophoric speech is not indirect: Towards a syntactic approach to reported speech constructions // Linguistics. 2021, 59(3). P. 609—633.

Spoken corpora (2013) Prosodically Annotated Corpus of Spoken Russian (PrACS-Russ). Pilot version. Online: <http://spoken corpora.ru>

Spronck Stef, Nikitina Tatiana. Reported speech forms a dedicated syntactic domain. Linguistic Typology. 2019, 23(1). P. 119—159.

«РЕПОРТАЖ О ГРУШАХ» УОЛЛАСА ЧЕЙФА: ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТИЛИ КОММЕНТАТОРОВ *

О. В. Федорова

*МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
olga.fedorova@msu.ru*

Данное исследование продолжает серию работ на основе коллективной монографии под редакцией У.Чейфа «Рассказы о грушах: когнитивные, культурные и языковые аспекты порождения повествования» [Chafe ed. 1980]. В 2022 году мы ввели в психолингвистическое рассмотрение новый дискурсивный жанр – жанр репортажа [Федорова 2022]. По нашим интуитивным представлениям, данный жанр требует от человека довольно больших когнитивных ресурсов (сравнимых, возможно, с когнитивными затратами синхронных переводчиков), поэтому мы начали исследование этого жанра с изучения особенностей вербальной рабочей памяти (ВРП) испытуемых. Для первого исследования мы выбрали три критерия «успешности» репортажа и предположили, таким образом, что «успешный» репортаж – это такой репортаж, в котором испытуемый говорит (1) непрерывно, (2) быстро и (3) лексически разнообразно. Статистический анализ репортажей 16 студентов МГУ имени М.В. Ломоносова показал, что, действительно, мы наблюдаем положительную корреляцию между объемом ВРП и темпом речи и лексическим разнообразием. Однако корреляция между объемом ВРП и непрерывностью репортажа вопреки ожиданиям оказалась отрицательной; мы предположили, что навык избегать длинных незаполненных пауз хезитации относится к коммуникативной сфере и поэтому не требует больших затрат когнитивных ресурсов.

Настоящее исследование дополняет прошлогодний проект использованием метода регистрации движений глаз (айтрекинга), позволяющим с высокой точностью фиксировать, куда направлен взгляд испытуемого в каждый момент просмотра фильма. Каждый из испытуемых прошел два теста: тест по комментированию «Фильма о грушах» с использованием айтрекинга и тест по определению объема

вРП при порождении речи [Fedorova, Potanina 2014]. Записи репортажей были аннотированы в программе Praat. Тексты были разбиты на дискурсивные фрагменты (которые не всегда соответствовали «классическим» ЭДЕ по [Кибрик, Подлесская ред. 2009], так как аннотаторы прежде всего руководствовались длительностью абсолютных пауз).

В данной работе нас прежде всего интересовал вопрос, чем могут различаться комментарии разных испытуемых и как это можно связать с различиями в объеме их вРП. В настоящем докладе мы подробно сравним два репортажа испытуемых с разным объемом вРП: у первого испытуемого, назовем его X, объем вРП был небольшим (56%), а у второго испытуемого Y – большим (79%).

В книге Е.Г. Малышевой «Русский спортивный дискурс» (2011) автор выделяет семь коммуникативных типов языковых личностей спортивных комментаторов: (1) комментатор-«репортер», например, Виктор Гусев; (2) комментатор-«аналитик», Владимир Маслаченко; (3) комментатор-«знаток», Владимир Маслаченко; (4) комментатор-«ироник», Василий Уткин; (5) комментатор-«балагур», Георгий Черданцев; (6) комментатор-«болельщик», Георгий Черданцев; (7) комментатор-«актер», Н.Н. Озеров, Коте Махарадзе. Почти все похожие черты можно найти и у комментаторов «Фильма о грушах», однако в докладе мы остановимся на противопоставлении лишь двух из них: комментатора-«репортера» и комментатора-«аналитика».

Для комментатора-«репортера» X в целом характерна стратегия «что вижу, о том и говорю»: X очень детально описывает всё, что видит в данный момент на экране, легко переключаясь с одного кадра на другой, иногда даже не договаривая предыдущее высказывание. Рассмотрим фрагмент в 1,5 мин., которым начинается репортаж X-а:

Звук петуха, кричит петух, перед нами пейзаж, пригорок, деревья, висит груша, ее человек руками срывает, отрывает еще несколько груш от дерева, видимо стоит собирает груши с дерева, срывает снова груши, срывает их мужчина, одна груша падает на солому, он спускается с лесенки к своим корзинам, в которые он собирает груши, достает еще груши из своего большого кармана на фартуке, на нем белый фартук, красная, красный платок на шее

повязан, синяя рубашка, шляпа светлая, почти белая, он достает из фартука груши, докладывает их в корзину, находит еще какие-то груши на полу, звук какого-то животного типа козы, вот, он снимает красный платок, протирает одну из груш, кладет ее обратно в корзину, снова звуки кажется барана, вот, более крупный план, вдалеке идет человек, ведет, это кажется, ну ведет козу, это мужчина, он в шляпе, в футболке синей, темных широких штанах, а первый мужчина, который собирал груши, забирается по лесенке снова наверх к дереву, мужчина с козой подошел совсем близко к корзине, коза прошла мимо корзины...

Важной особенностью данного репортажа, которую можно выявить при помощи айтрекинга, является отсутствие больших задержек между взглядом испытуемого на тот или иной объект и названием этого объекта: в среднем эта задержка составляет 0,5 – 1 с, максимум 2 с. Отметим также непрерывность данного репортажа, то есть практически отсутствие абсолютных пауз между отдельными высказываниями испытуемого.

Совсем иначе строит свой комментарий испытуемый Y, которого можно отнести к категории комментатора-«аналитика». В его речи заметно больше абсолютных пауз, он дорассказывает эпизоды до конца, поневоле откладывая повествование о последующих событиях; он не только комментирует, но и интерпретирует происходящие события. Иногда подобные задержки составляют около 10 с, например, когда испытуемый Y видит на заднем плане мужчину с козой, он сначала заканчивает рассказ о садовнике: *повязал платок обратно на шею, вздохнул, поднялся, отряхнул колени* и только потом переключается на козу: *на заднем плане видно подходит мужчина с каким-то животным, видимо козленок*. Еще большая задержка происходит между моментом, когда испытуемый Y смотрит, как один из троих мальчиков поднимает забытую главным героем на дороге шляпу, а потом описывает это как *поднял шляпу*. В среднем задержка между взглядом и названием составляет у испытуемого Y 3–5 с. Кроме того, у него значимо больше абсолютных пауз хезитации.

В докладе будут подробно рассмотрены полученные результаты и сделаны предварительные выводы о возможной корреляции между объемом ВРП испытуемых и стратегиями их репортажей.

Литература

Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур.

Мальшева Е.Г. 2011. Русский спортивный дискурс. М.: Флинта.

Федорова О.В. 2022. Еще одна жизнь «Фильма о грушах» Уолласа Чейфа // Слово и жест. Научная конференция, посвященная памяти Е.А. Гришиной (Гришинские чтения). Москва, 8 февраля 2022 г. Материалы конференции. М.

Chafe W. (ed.) 1980. The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood: Ablex.

Fedorova O.V., Potanina J.D. 2014. Working memory and Russian language: From comprehension to production // *Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. Moscow: RGGU. P. 173–183.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

РЕЦИПРОК В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ И РУССКОЙ ЖЕСТИКУЛЯЦИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Е. В. Филимонова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
ev.filimonova@list.ru*

Жестовые языки имеют несомненную связь с жестикуляцией — жестами, сопровождающими звуковую речь. Лингвисты, изучающие жестовые языки, поднимают различные вопросы, связанные с жестикуляцией: как жестикулируют носители жестовых языков с учетом того, что их речь и жестикуляция находятся в одной модальности [Emmorey 1999; Sandler 2009], возможно ли, что некоторые типы жестов совмещают в себе признаки языковой единицы и жестикуляции [Schembri et al. 2005], как происходит лексикализации и грамматикализации жестов, сопровождающих речь [Wilcox 2004; Pfau, Steinbach 2006; Fenlon et al. 2019].

Данное исследование посвящено сопоставлению морфологических средств выражения реципрока в русском жестовом языке (РЖЯ) с русской жестикуляцией, сопровождающей высказывания с семантикой реципрока, с целью установить возможные источники грамматикализации модификаций жеста, использующихся как показатели реципрока, и выявить изменения, которые происходят с элементами жестикуляции, когда они становятся языковыми единицами. В исследовании [Fenlon et al. 2019], посвященном сравнению указательных жестов, предлагается три критерия, которые характеризуют переход от жестикуляции к жесту: конвенционализация, редукция, интеграция. Под конвенционализацией понимается ограничение вариативности жеста и последовательное его употребление в определенной функции; под редукцией — фонетические изменения; под интеграцией — встраивание жестов в систему языка. В данном исследовании с учетом предложенных критериев будут проанализированы различия таких составляющих жеста, как движение, локализация, ориентация, в РЖЯ и в русской жестикуляции при передаче семантики реципрока.

Материалом для исследования послужили данные корпуса текстов РЖЯ [Буркова 2015], данные элицитации от 7 информантов, которые позволили выявить следующие средства выражения реципрока в РЖЯ: для прототипического: 1) двуручная редупликация в сочетании с зеркальной ориентацией, 2) простая редупликация в сочетании с инверсивным движением, 3) двуручная сукцессивная редупликация в сочетании с инверсивным движением; для хаотического (с количеством участников более двух): 1) двуручная редупликация в сочетании с движением по кругу, 2) движение по кругу, 3) двуручная сукцессивная редупликация, 4) простая редупликация в сочетании с движением по дуге. Материалом для анализа жестов, сопровождающих речь, послужили данные Мультимедийного русского корпуса. Для поиска релевантных высказываний использовались различные морфологические и лексические реципроки (*беседовать, столкнуться, обмениваться, общаться* и т. п.), взаимные местоимения (*друг друга, друг другу, один другого* и т. п.), модификатор *между собой*. Всего было обнаружено 95 жестоупотреблений, сопровождающих показатели реципрока в русском языке, которые имеют формальное сходство с показателями реципрока в РЖЯ.

Выявленные элементы жестикуляции, используемые в высказываниях с семантикой реципрока, представляют собой иллюстративные жесты, по классификации П. Экмана и У. Фризена [Ekman, Friesen 1969] — они выполняются одновременно с речью и служат иллюстрацией ее содержания. Согласно классификации Д. Макнилла [McNeill 1992], их можно разделить на иконические, которые точно изображают описываемое действие (к примеру, столкновение частиц), и метафорические, которые воплощают языковую метафору (например, круг — это группа людей). Большинство из этих жестов были описаны Е. А. Гришиной в статье, посвященной круговым и колебательным движениям в русской жестикуляции [Гришина 2015]: лыжи (движение рук в противоположные стороны по саггитальной оси), весы (движение рук в противоположные стороны по вертикальной оси), метроном (колебательное движение со сгибом руки в локте), тумблер (вращательное движение кисти), симметричная окружность (две руки изображают одну окружность) и динамическая окружность (одна рука изображает одну окружность; две руки — две). Таким образом, среди

выявленной жестикуляции не представлены только аналоги двуручной сукцессивной редупликации и простой редупликации в сочетании с движением по дуге; среди средств РЖЯ нет симметричных окружностей.

Длительность жестикуляции значительно варьируется: в 24% она распространяется на целую клаузу или более, в 7% сопровождает глагол, в 3% — местоимение, в 11% — глагол и местоимение; в остальных случаях она сопровождает часть высказывания, которая не включает показатель реципрока. В одном высказывании могут употребляться два различных элемента жестикуляции подряд. Типы жестикуляции демонстрируют корреляцию с семантическим типом реципрока: круговые движения употребляются в предложениях, где подразумевается множественность участников ситуации — в большинстве таких высказываний она к тому же выражена с помощью квантификаторов *несколько, множество, все*.

Сопоставление параметров жестов, функционирующих как показатели реципрока, и жестов, сопровождающих речь, проводилось с опорой на критерии, предложенные в работе [Fenlon et al. 2019]: конвенционализация, редукция, интеграция. Конвенционализация проявляется в ограничении разнообразия параметров жеста. Выявленные типы жестикуляции отличаются значительной вариативностью: движение может быть нечетким, один тип движения может переходить в другой; местом исполнения жеста может служить предмет обстановки (классная доска); круговые движения выполняются в разных плоскостях. В РЖЯ в производных реципроках движение всегда имеет четкий темп и направленность и не может смениться на другое; локализация ограничена нейтральным жестовым пространством; ориентация круговых движений ограничена строго горизонтальной плоскостью. Что касается формы руки/конфигурации, производные реципроки и жесты, сопровождающие речь, не демонстрируют никакого сходства, что объясняется тем, что в РЖЯ конфигурация прямо не связана с выражением семантики реципрока. Также, согласно работе [Schembri et al. 2005], конфигурация в жестовых языках в принципе является более категориальным параметром, чаще различается в разных жестовых языках и в меньшей степени связана с жестикуляцией. Редукция проявляется в ограничении времени исполнения жеста. В связи с тем, что звуковая речь и жестикуляция используют разные модальности, последняя может

иметь любую длительность; в РЖЯ использование тех же параметров ограничено длительностью глагольного жеста / местоимения. Это также говорит об интеграции данных параметров в языковую систему: они являются морфемами, которые, в свою очередь, входят в языковую единицу более высокого уровня — слово. У показателей реципрока в РЖЯ появляются ограничения, связанные с фонологической формой жеста, в частности, одноручностью /двуручностью, симметричностью / несимметричностью, контактом рук между собой / с корпусом. Этим в том числе объясняется отсутствие в русской жестикуляции аналогов двуручной сукцессивной редупликации и простой редупликации в сочетании с движением по дуге, которые по своей основной функции являются средством выражения дистрибутивной семантики в РЖЯ: при жестикуляции говорящий не ограничен другими обязательными характеристиками жеста, он может выбрать любую конфигурацию, не «привязывать» жест к корпусу тела, допускать контакт рук между, только когда это не мешает жестикуляции. Об интеграции также говорит иконическое отображение акциональной семантики глагола в производных реципроках в РЖЯ: одно движение — одиночное событие, двуручная симультанная редупликация в сочетании с зеркальной ориентацией — одновременный процесс, двуручная сукцессивная редупликация или простая редупликация в сочетании с инверсивным движением — процесс, состоящий из серии событий. Жесты, сопровождающие речь, демонстрируют схожую тенденцию, однако, в отличие от РЖЯ, для жестикуляции это соответствие не является строго обязательным (в 11% случаях акциональная семантика не отражается иконически в жестикуляции).

Таким образом, исследование показывает, что все морфологические средства выражения реципрока в русском жестовом языке имеют аналоги в русской жестикуляции, которые, возможно, являются источниками грамматикализации; в то же время соответствующие параметры в русском жестовом языке менее вариативны, но более последовательны, обязательны и ограничены в функционировании в связи с встроенностью в языковую систему.

Литература

Буркова С.И. Корпус русского жестового языка [Электронный ресурс] / Руководитель проекта С. И. Буркова. Новосибирск, 2012–2015. Режим доступа: <http://rsl.nstu.ru/> – Загл. с экрана.

Гришина Е.А. Круги и колебания: семантика сложных траекторий в русской жестикуляции // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 238–286.

Ekman P., Friesen W. The Repertoire or Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding. *Semiotica*, 1. 1969. P. 49–98.

Emmorey K. Do signers gesture? // *Messing L.S., Campbell R., eds. Gesture, speech, and sign*. Oxford: Oxford University Press. 1999. P. 133–159.

Fenlon J., Cooperrider K., Keane J., Brentari D., Goldin-Meadow S. Comparing sign language and gesture: Insights from pointing. *Glossa: a journal of general linguistics* 4 (1): 2. 2019. P. 1–26.

Goldin-Meadow S., Brentari D. Gesture, sign, and language: the coming of age of sign language and gesture studies. *Behav. Brain Sci*, 40. 2017. P. 1–60.

McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago: Chicago University Press, 1992.

Pfau R., Steinbach M. *Modality-Independent and Modality-Specific Aspects of Grammaticalization in Sign Languages (Linguistics in Potsdam, 24.)* Potsdam: Universitäts-Verlag. 2006.

Sandler W. Symbiotic symbolization by hand and mouth in sign language. *Semiotica*, 174. 2009. P. 241–175.

Schembri A., Jones C., Burnham D. Comparing Action Gestures and Classifier Verbs of Motion: Evidence from Australian Sign Language, Taiwan Sign Language, and Nonsigners' Gestures Without Speech. *The Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 10 (3). 2005. P. 272–290.

Wilcox S. Gesture and Language. Cross-linguistic and Historical Data from Signed Languages. *Gesture* 4 (1). 2004. P. 43–73.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект № FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН

ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ (L2 – L1)*

¹А. Ченки, ²А. В. Леонтьева, ²О. В. Агафонова, ²А. А. Петров

¹Свободный университет Амстердама (Амстердам, Нидерланды)
²Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
olga.agafonova92@gmail.com

Синхронный перевод представляет собой комплексную когнитивную задачу. Особую трудность могут представлять отдельные элементы перевода: числительные, идиоматические выражения, нестандартное произношение и т.п. Данное исследование посвящено изучению использования числительных и сопровождающих их жестов рук при осуществлении синхронного перевода с английского языка (L2) на русский (L1). Несмотря на то, что проблеме употребления числительных в синхронном переводе было уделено не мало внимания в науке, изучение их связи с жестами не было столь же обширным. В представленной работе выдвигается гипотеза о том, что использование жестов рук значительно влияет на процесс перевода числительных. Полиmodalное поведение говорящего несет разные функции, например конструирование ментальных образов, структурирование дискурса, поиск слов, указание на расположение референта в пространстве и т. п. Данные функции способствуют фасилитации речи и поиску верного числительного в процессе перевода. Исследовательским вопросом является соотношение функциональных типов жестов с числительными, а именно природа представления числа, которое может быть внешним, так как осуществляется за счет метафорического изображения референта, или внутренним, направленным на понижение когнитивной нагрузки, которую испытывает переводчик.

В качестве анализируемого материала был использован корпус, состоявший из 10 видеозаписей по 10 минут (всего 100 минут материала) синхронного перевода с L2 на L1. Испытуемыми стали синхронные переводчики разного уровня подготовки: студенты, начинающие переводчики (до трех лет опыта) и профессионалы (более трех лет). В качестве стимульного аудиоматериала был дан отрывок из

научно-популярной лекции о биологическом разнообразии и вымирании видов, взятый с интернет-портала TED Talk.

В программе для аннотирования ELAN был проведен двухэтапный анализ вербальной и невербальной составляющих речи переводчиков. Анализ речи включал в себя выделение числительных (количественные, порядковые и номинальные) в переводе говорящих, а затем категоризацию перевода данных лексических единиц как правильных или неправильных. Категория «правильно» переведенного числительного присуждалась словам, которые были переведены верно, без искажения смысла, например *millions and millions years ago* – *миллионы и миллионы лет назад*. Категория «неправильного» перевода содержит в себе три подкатегории: неверный, аппроксимация и опущение. Первая подкатегория присваивалась числительным, которые были переведены с ошибкой в значении, что влияло на потерю искомой идеи, например *100 million* – *миллион*. Аппроксимацией считался такой перевод числительных, при котором исходное значение искажалось, так как часть передаваемого концепта опускалась: *in 1598* – в *тысяча пятисотых* годах. Категория опущения применялась в случае, если числительное из исходного текста отсутствовало в переводе.

На жестовом уровне был проведен семантический анализ, который позволил выделить следующие функциональные типы жестов: адаптеры, прагматические, репрезентирующие и дейктические.

Всего было переведено 438 числительных. Из них 277 числительных были переведены правильно и 160 неправильно: 98 числительных было опущено, 43 неверно и в 19 случаях использовалась аппроксимация. Таким образом, результаты анализа речи выявили тенденцию к правильному переводу числительных или их опущению. Опущение числительных в переводе может объясняться тем, что переводчики в целом опускают части исходного текста, которые в том числе могут содержать и числительные.

Большинство числительных сопровождалось жестами (169 случаев), что несколько превышает количество случаев, когда числительные использовались без сопутствующих движений рук (117 случаев). Чаще всего переводчики использовали адаптеры (107 случаев), реже наблюдались прагматические (42 случая), репрезентирующие (13 случаев) и дейктические (7 случаев) жесты.

Анализ категорий перевода числительных и сопутствующих им жестов выявил, что правильно переведенные числительные в основном не сопровождалась жестами (117 случаев). Наиболее частотными жестами, встречающимися с данной категорией, стали адаптеры (86 случаев), а также это единственная категория, с которой встречались репрезентирующие (13 случаев) и дейктические (7 случаев) жесты. Категория аппроксимации не сопровождалась жестами в 10 случаях, а также употреблялась совместно с адаптерами (7 случаев) и прагматическими жестами (3 случая). Категория неверного перевода в отличии от предыдущих в основном сопровождалась жестами (27 случаев из 43 случаев употребления категории); из них было зафиксировано 14 случаев употребления с адаптерами и 13 с прагматическими жестами.

Результаты анализа материала подтверждают ранее полученные данные по исследованию числительных в синхронном переводе [Mazza 2001; Mead 2015; Kogpal 2016], которые говорят о трудностях при переводе данных речевых единиц. Как показали результаты, участники испытывали трудности при переводе, на что указывает значительное количество неверно переведенных единиц. Результаты полимодального анализа категории правильно переведенных числительных подтверждают ранее выдвинутые идеи Д. МакНилла [McNeil, 1992] о том, что ментальные единицы развертываются одна за одной в момент их выражения в языке и жестах, так как верно переведенные единицы создают четкую «картинку» в сознании говорящего, которая находит свое отражение и в жестах. В случае неверного перевода или аппроксимации у концепта, который был переведен, отсутствует точка роста, поэтому говорящие используют адаптеры для снижения когнитивной нагрузки и концентрации [Neff et al. 2011; Lin et al. 2020; Cienki and Iriskhanova 2020], а прагматические жесты для презентации идеи или ее эмфатического выделения [Kendon 2017].

Литература

Cienki A. and Iriskhanova O. K. (2020). Patterns of multimodal behavior under cognitive load: An analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1, *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki [Issues in Cognitive Linguistics]*, 1, 5–11. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-1-5-11>

Kendon A. (2017). Pragmatic functions of gestures: Some observations on the history of their study and their nature, *Gesture*, 16 (2), 157–175. <https://doi.org/10.1075/gest.16.2.01ken>

Korpala P. (2016). Linguistic and psychological indicators of stress in simultaneous interpreting, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznan, 193.

Lin W., Orton I., Liu M. and Mahmoud M. (2020). Automatic detection of self-adaptors for psychological distress, 15th IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition (FG 2020), 371–378. <https://doi.org/10.1109/FG47880.2020.00032>

Mazza C. (2001). Numbers in simultaneous interpretation, *The Interpreters' Newsletter*, 11, 87–104.

McNeill D. (1992). *Hand and mind: What gestures reveal about thought*, Chicago, USA: University of Chicago Press.

Mead P. (2015). Numbers, in Pöchhacker F. (ed.), *Routledge encyclopedia of interpreting studies*, London/New York, 286–288. <https://doi.org/10.4324/9781315678467>

Neff M., Toothman N., Bowmani R., Fox Tree J. E., & Walker M. A. (2011). Don't scratch! Self-adaptors reflect emotional stability. In H. H. Vilhjálmsón, S. Kopp, S. Marsella, & K. R. Thorisson (Eds.), *Lecture Notes in Computer Science: Vol. 6895. Intelligent Virtual Agents: Proceedings of the 11th International Conference, IVA 2011, Reykjavik, Iceland*, 398–411. https://doi.org/10.1007/978-3-642-23974-8_43

СЛОВО *ЖЕСТ* В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

lara.shestakova@mail.ru, an_kuleva@mail.ru

Многоаспектные лингвистические исследования русской жестикуляционной системы опираются на обширный языковой материал. Кажется перспективным дополнить его поэтическими примерами, включающими само слово *жест*. Для целей нашей работы на данном этапе достаточны определения основного значения этого слова, предлагаемые в общеязыковых толковых словарях, например: ‘телодвижение (преимущественно движение рукой), сопровождающее речь для усиления ее выразительности или имеющее значение какого-л сигнала, знака’ [БАС], ср. [СШ].

Случаи употребления слова *жест* в поэтических текстах рассматриваются через призму авторитетных лингвистических исследований по русской жестикуляции ([Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Крейдлин 2002; 2005; Гришина 2011; 2012; 2013; 2017]), а также работ литературоведческой, лингвопоэтической направленности, в которых жесты понимаются как знаки, образы, часть системы символов, в том числе у отдельных авторов ([Слово и жест 1983; Раков 1995; Бобринская 1998; Масленникова 2000; Габдуллина 2008; Федунина 2017] и др.).

Слово *жест* в русском поэтическом языке не относится к высокочастотным, однако примеры его употребления позволяют сделать интересные наблюдения.

В «Словаре языка русской поэзии XX века» [СЯРП], который создается по произведениям 10 видных поэтов Серебряного века, содержится около 40 контекстов с этим словом (наибольшее их количество отмечается у Цветаевой). В поэтическом корпусе [НКРЯ] – 422 документа, 461 вхождение; если ограничить, для начала, поиск кругом поэтов того же временного отрезка (пользовательский подкорпус: год рождения авторов – с 1855 по 1905 г.) – 217 документов, 246 вхождений.

При анализе выбранных примеров выделяются разные типы поэтического употребления слова *жест*. В ряде случаев оно используется без конкретизаторов (для обозначения жеста как такового, неопределенного жеста), и нередко в ряду названий других невербальных проявлений: *Каждый вечер я скитаюсь в ней [в тени], Повторяя в мыслях жесты, взоры...; Я не помню его выражений, Но улыбку я помню и жест* (Цветаева); *Но в смене Ваших декораций Следила я и взгляд, и жест* (Меркурьева); *Сначала жестко: жесты и ужимки Под щелкающие затворы* (Тарловский). Ср. в то же время: *Но в жестах, в словах и во взорах Хранит свою тайну любой* (Наседкин); *Он помнит / каждое слово и жест, / живого лица выражение* (Асеев).

Слово *жест* может уточняться – прежде всего, с точки зрения того, как, собственно, производится телодвижение. Естественно, часто описываются жесты, производимые руками [Гришина 2012]: *Невольным жестом щут руки На шее – крест; О, этот жест, которым Вы Мне дали руку* (Цветаева); *Ужасней шапки занесенной Жест отстраняющей руки* (Гумилев); *Она [Бухтеева] щутя обдернула револьвер И в этом жесте выразилась вся* (Пастернак); *Руки нехолодной несоразмерный жест, Чтоб худенькую прядь на ясном лбу поправить* (Пяст). Однако встречаются и другие конфигурации жестов: *И, жестом медленным, безвинный Убийца, я припал к устам...* (Брюсов); *Как мощны плечи, поднятые гордо! Какое в этом жесте торжество!* (Сельвинский).

В поэтическом дискурсе ожидаемо частотны атрибутивные уточнения, характеризующие жест с той или иной стороны. Встречаются такие сочетания, как: *гордый, уклончивый жест* (Пастернак), *робкий жест* (Волошин), *гнусный жест* (Саша Черный), *торжественным жестом, презрительным жестом* (Блок), *длинным жестом* (Цветаева), *изломанные и лживые жесты* (Есенин), *магические жесты* (Ходасевич); см. также: *Широким жестом запахнув шинель* (Мандельштам); *не могут закончить начатый жест и нежным жестом / он [поэт] / кудрей / закинул шелк* (Маяковский) и т. д.

Интерес представляют случаи образного осмысления слова *жест*, как, например, в цикле «Деревья» Цветаевой: *У деревьев – жесты трагедий. <...> У деревьев – жесты надгробий <...> У деревьев –*

жесты торжеств. См. и примеры использования слова в сравнительной конструкции (в составе образа сравнения): *За радость – скупую, как жест англичанина...* (Кнут); *А сквозь туман, Как фигуи жест, Неведомый обман Веществ* (Оболдуев).

В докладе будут рассмотрены и другие проявления слова *жест* в русской поэзии.

Ключевые слова: жест, поэтический дискурс, словарь поэтического языка, НКРЯ.

Литература

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 5 / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М., 2006.

Бобринская Е. Жест в поэтике раннего русского авангарда // Хармс-издат представляет. Авангардное поведение. Сб. материалов науч. конф. Хармс-фестиваля 4 в Санкт-Петербурге. СПб, 1998. С. 49–62.

Габдуллина В. И. Семиотика жеста в поэтической системе Ф.М. Достоевского: сакральное и профанное // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 46–51.

Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001.

Гришина Е. А. Закрытые глаза: жестикуляция, пунктуация, акцентуация // Филология. 2011. № 2. С. 39–56.

Гришина Е. А. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса). Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 3–50.

Гришина Е. А. Указания головой как система. Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 90–130.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М., 2017.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2002.

Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.

Масленникова О. Н. Семантика жеста в прозе Андрея Белого: «Петербург», «Котик Летаев», «Крещеный китаец». Дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2000.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 10.10.2022).

Раков В. П. Семантика жеста в поэзии Марины Цветаевой // Филологические штудии. Сборник научных трудов. Иваново, 1995. С. 5–15.

Слово и жест в литературе: сб. науч. тр. / С. Вайман (гл. ред.). Воронеж, 1983.

СШ – Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.

СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I– / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М., 2001–.

Федунина О. В. Поэтика жеста в литературном произведении (наблюдения и комментарии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19. № 1. С. 114–117.

ИЛЛОКУТИВНЫЙ ЭЛЛИПСИС И ЕГО ПРОСОДИЯ

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

tanya_yanko@list.ru

В этой работе анализируется феномен утраты речевым актом средств выражения иллокутивных значений, в результате чего возникают вопросы без вопросительного слова и без вопросительной (восходящей) просодии, побудительные предложения без глагола в повелительном наклонении, вокативы без имени адресата и повествовательные предложения без ремы. Материал для анализа почерпнут из мультимодального подкорпуса Национального Корпуса русского языка [НКРЯ], специально разработанного малого рабочего корпуса автора [МРК], который содержит звучащие записи, полученные из открытых источников, и корпуса «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» [spokencorpora]. Инструментальный анализ произведен с помощью программы Praat [Voersma, Weenink 2023].

Иллокутивная сила в качестве средства выражения может иметь сегментные и суперсегментные средства. Вопрос имеет вопросительное слово или вопросительный компонент (*что?*, *где?*, *какие цветы?*), вопросительную частицу *ли* или в качестве единственного средства выражения иллокутивной силы вопросительную просодию типа ИК-3, по Е. А. Брызгуновой [1982: 98-122]; ИК-3 в примерах ниже обозначается знаком / после словоформы-акцентоносителя. Побудительное предложение содержит глагол в повелительном наклонении, инфинитив или специальные лексические средства, такие, как *Вон! Прочь! Марш!*. Вокатив содержит имя, титул, должность или роль, которую адресат обращения играет в текущей ситуации. В предложениях с сегментными средствами выражения иллокутивной силы интонация играет только формирующую роль: она не выражает иллокутивной силы, а только делает речевой акт отдельным от других речевых актов в потоке речи и членит речевой акт на коммуникативные компоненты, которых в речевом акте может быть более одного.

Действительно, повествовательное предложение, вопрос и побудительное предложение могут состоять из двух компонентов — собственно иллокутивного и несобственно иллокутивного. Компоненты в свою очередь могут быть отделены один от другого т. н. просодическим швом, по О. Ф. Кривновой [2015] (см. также цитированную там литературу) или, иначе, ритмико-синтаксическим барьером, по А.А. Зализняку [1993], коммуникативным барьером по А. В. Циммерлингу [2113: 390]. Термин «коммуникативный барьер» представляется нам наиболее подходящим, потому что он соотносится с разделением речевого акта на коммуникативные компоненты: собственно иллокутивный (то, что сообщается / спрашивается, / то, что предлагается сделать) и несобственно иллокутивный (то, о чем сообщается / спрашивается / то, в связи с чем формулируется просьба или команда).

В дефолтном случае (т. е. таком, когда линейно-просодическая структура вносит в семантическую структуру предложения минимальный вклад) между собственно иллокутивным и несобственно иллокутивным компонентами четкого коммуникативного барьера (просодического шва) нет: *Мама мыла раму; Где Вадик познакомился с Марусей?; Закрой окно*. В этих предложениях наблюдается подъем тона в начале предложения и падение в исходе (на акцентоносителе речевого акта). Такой линейно-просодический контур в соответствии с традицией мы будем называть «шляпой». В предложениях же, которые мы считаем коммуникативно расчлененными, у каждого из компонентов имеется отдельный акцент, у каждого акцента имеется своя словоформа-акцентоноситель, а между компонентами есть или возможна пауза. Так, в вопросе (1) несобственно вопросительный компонент предшествует собственно вопросительному, на акцентоносителе несобственно вопросительного компонента *фуражка моя* словоформе *фуражка* фиксируется нисходящий акцент типа ИК-2 (знак \), а на вопросительном слове *где*, которое здесь составляет собственно вопросительный компонент, фиксируется второй акцент тоже типа ИК-2. Реальной паузы между компонентами здесь нет.

(1) *Фуражка\ моя где\?*

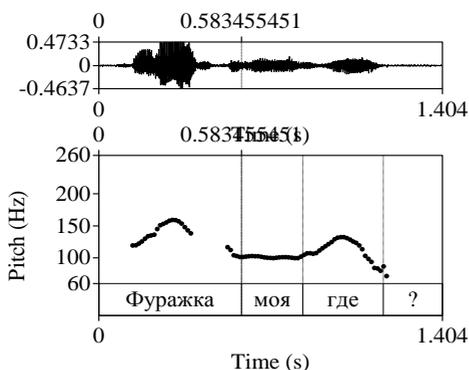

Рис. 1. Осциллограмма и кривая изменения частоты примера (1).

Дефолтная (исходная) структура для примера (1) — предложение *Где моя фуражка*, несущее «шляпу» с падением тона на словоформе *фуражка*.

В повествовательном предложении (2) акцентоноситель *я* темы *я возьму* несет акцент типа ИК-3, акцентоноситель *тридцать* ремы *тридцать грамм* несет акцент типа ИК-2. Между темой и ремой имеется очевидная пауза.

(2) *Я возьму — тридцать грамм* [МРК].

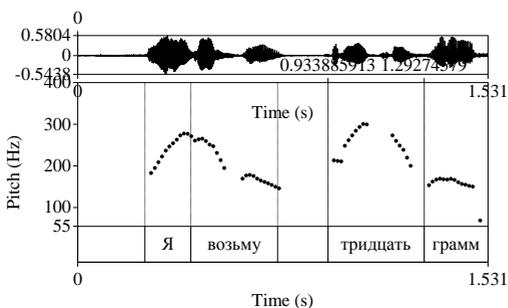

Рис. 2. Осциллограмма и кривая изменения частоты примера (2).

Дефолтная структура — *Я возьму тридцать грамм*, несущая «шляпу» и имеющая падение тона на словоформе *грамм*.

Остановимся на коммуникативно расчлененных предложениях. Начнем с вопросов. При эллипсисе собственно иллокутивного компонента в примере (1) получаем эллиптический вопрос (3):

(3) *А фуражка\ \ моя?*

Вопросы типа (3) мы называем эллиптическими. Они несут акцент ИК-2 или восходяще-нисходящий акцент типа ИК-4, по Брызгуновой [1982: 98-122], ср. вопрос *А дети\?* в примере (4):

(4) *Маруся! А дети\? Дети где?* [НКРЯ].

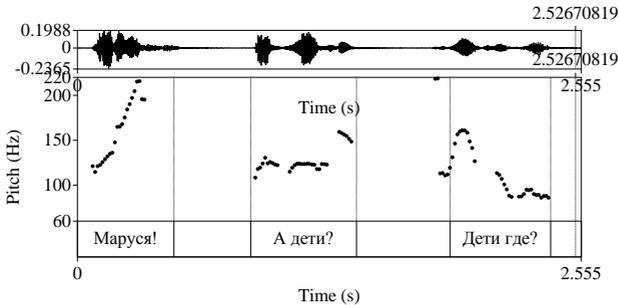

Рис. 3. Осциллограмма и кривая изменения частоты примера (4).

Кривая изменения частоты тона на рисунке 3 говорит о том, что на ударном слоге первой встречаемости словоформы *дети* фиксируется ровный низкий тон, а на заударном — подъем частоты, т. е. здесь перед нами акцент ИК-4.

Далее. Вопросы, которые формируются собственно вопросительным компонентом с *не так ли?*, *не правда ли?*, *так?*, *ведь так?*, *да?*, *а?*, всегда расчлененные в силу автономии собственно вопросительного компонента, который в терминологии, применяемой к анализу английского языка, называется “tag” или “хвостик”. При опущении этого компонента также возникают эллиптические вопросы, с нисходящей просодией ИК-2, которую, как и в случае с нисходяще-восходящей просодией в примере (4), нельзя назвать «вопросительной», имея в виду то, что вопросительные слова в обоих примерах тоже отсутствуют. Обратимся к примеру эллиптического вопроса (5) из корпуса.

(5) *Значит, вы точно будете на Черных Камнях\ \?* [НКРЯ].

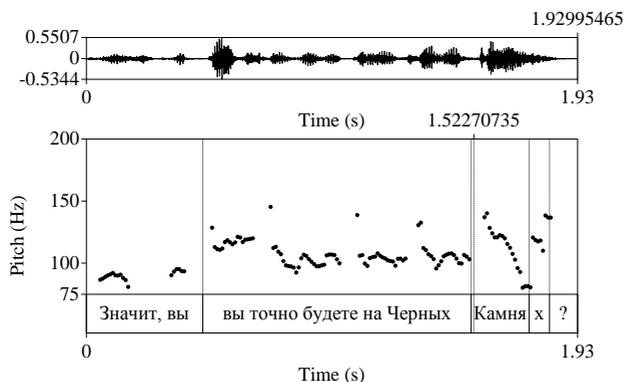

Рис. 4. Осциллограмма и кривая изменения частоты примера (5).

При реконструкции опущенного компонента, восстанавливаются предложения типа (5):

(5) *Значит, вы точно будете на Черных Камнях\|, не так\| ли (не правда/ ли, не правда\| ли, так/, да/)?.*

Таким образом, возникает гипотеза, объясняющая присутствие в вопросительных предложениях акцента типа ИК-2, как в примерах (3) и (5)), и акцента ИК-4, как в примере (3). Распределение между ИК-2 и ИК-4 следующее. В вопросах, имеющих синтаксическую структуру группы — именной (как в (3)), инфинитивной (*А поест?*), предложной (*А с молоком?*) — возможны акценты и ИК-2, и ИК-4. В вопросах же с синтаксической структурой предложения, как в (5), фигурирует акцент ИК-2. Иначе говоря, обоснование просодии, не характерной для вопросов без вопросительного слова (ИК-2 и ИК-4), дается через возведение этих вопросов к расчлененным вопросам, которые в свою очередь подвергаются эллипсису. При эллипсисе — в соответствии с нашей гипотезой — вопрос сохраняет просодию единственно оставшегося несобственно вопросительного компонента. И это как раз акцент ИК-2.

Возможен ли эллипсис в речевых актах других типов? Что касается побудительных предложений, то здесь может быть дан положительный ответ. Опущение показателя побудительности — глагола в повелительном наклонении или слов со значением

побудительности — для императивов весьма характерно. При этом речевой акт сохраняет свою иллокутивную силу.

(6) *В атаку\!\!*; *На колени\!\!*; *Доктора\!\!*; *Тихо\!\!*; *Скорее сюда\!\!*; *Шепотом\!* [НКРЯ].

О предшествующем эллипсису расчленении речевых актов речь здесь не идет, хотя в императивах расчленение речевого акта с образованием просодического шва вполне возможно:

(7) *А вы челюсть\ \ ему — вправьте\!\!* [НКРЯ].

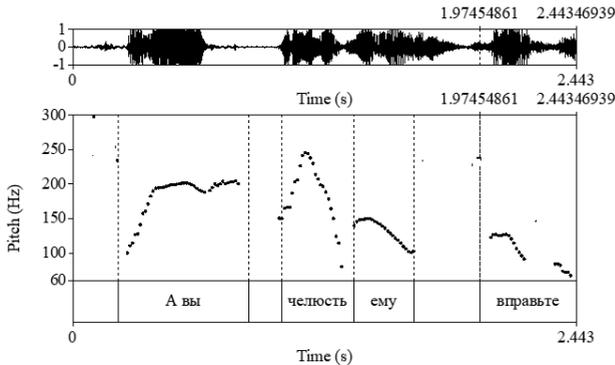

Рис. 5. Осциллограмма и кривая изменения частоты примера (7).

В примере (7) наблюдается препозиция несобственно иллокутивного компонента *А вы челюсть ему* с акцентом типа ИК-2 на акцентоносителе *челюсть* и второй акцент типа ИК-2 на императиве *вправьте*. Между компонентами имеется пауза.

Анализ вокативов говорит о том, что вокативы в отсутствие имени адресата и вокативного междометия *эй!* редки, но возможны. Приведем единственный найденный нами в звучащем корпусе пример:

(8) *Возьмите нас к себе! Там, на барже\!\!* [НКРЯ].

Здесь имя адресата заменяется местом его расположения, тем более что имя адресата говорящему неизвестно. Имя места весьма часто служит вокативом, но обычно оно сопровождается вокативным междометием *эй!*:

(9) *Эй, на вахте!*; *Эй, на пароме!* [НКРЯ].

Опущение имени адресата на просодические особенности вокатива не влияет.

Наименее очевидной оказывается возможность применения понятия иллюкутивного эллипсиса к сообщению (повествовательному предложению). Действительно, что может представлять собой сообщение без ремы? Или, иначе, что такое отсутствие просодических показателей ремы в предложении, которое синтаксически строится как сообщение? Наше предположение состоит в том, что наиболее близким приближением к феномену отсутствия ремы следует считать тему или цепочку тем, либо совсем не завершенных ремой, либо отстоящих от ремы достаточно далеко. Обратимся к примеру из детской речи:

(10) *А еще/, у меня был такой/ сон, как я поспорился с друзьями/, с подружкой/. А с другом не поспорился/. Подружка/, ее кто-то стукнул/, и она попала в больницу/, и я к ней чего-то ходил/...[spokencorpora].*

В примере (10) мы видим серию сентенциальных структур и именных (и других) групп, несущий один и тот же восходящий акцент, который здесь можно трактовать либо как тему, либо как незавершенность речевого акта. В применении к структурам типа S напрашивается трактовка незавершенного предложения (*ее кто-то стукнул/; и она попала в больницу/; и я к ней чего-то ходил/*), а, скажем, в применении к именной группе *подружка* в структуре *Подружка/, ее кто-то стукнул/* можно предположить функцию вынесенной темы. Между тем и предполагаемые темы, и предполагаемые незавершенные предложения играют в ряду (10) одну роль. Эта роль, в соответствии с нашей гипотезой связана с отсутствием в ближайшем контексте полноценной ремы. Это же положение иллюстрирует и пример из речи радиожурналиста-женщины:

(11) *Сейчас в Германии жесткий локдаун/, растут случаи коронавируса/ каждый день, несмотря на то, что локдаун продолжается с середины декабря/, в середине февраля у нас немного уменьшились/ случаи коронавируса, и снова/ растут...[МРК].*

Наши наблюдения говорят о том, что в речи женщин (особенно молодых) и детей тенденция к незавершенности в рассказе о событиях проявляется сильнее, чем в речи мужчин и пожилых людей.

Чтобы продемонстрировать, что в простом предложении с наличной ремой тема в виде сентенциальной структуры вполне возможна, приведем пример:

(12) *А писал/ он здесь/ у нас/ в Москве* \ [НКРЯ].

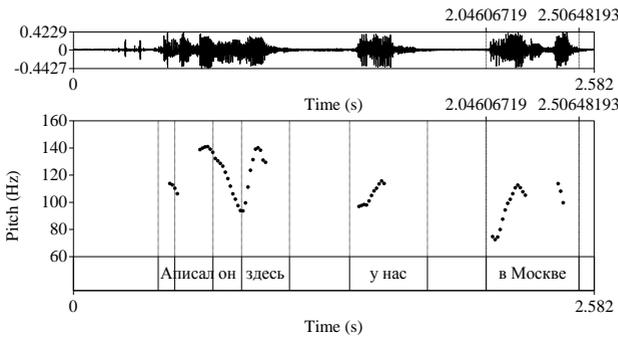

Рис. 6. Осциллограмма и кривая изменения частоты примера (12).

В примере (12) имеется тема *А писал он* с подъемом на *писал*. Эта тема имеет сентенциальную структуру. Вторая тема — *здесь*, третья тема — *у нас*, рема — *в Москве*. Этот пример иллюстрирует то, что теме сентенциальная структура не чужда.

Таким образом, мы показали, что в примерах (11) и (12) сентенциальные (и другие) компоненты дискурса с акцентоносителями, несущими подъем тона, стандартными ремами не служат: эти структуры можно понимать либо как темы, либо как незавершенные пропозиции, чья рема, если и существует, не находится в непосредственной близости с этими компонентами. При несколько ином подходе тему и незавершенность в повествовательном предложении можно рассматривать как диффузное значение незавершенности, которое имеет подъем тона в качестве средства выражения.

Таким образом, незавершенное сообщение дает возможность представить заявленное здесь понятие иллокутивного эллипсиса как относительно полно покрывающее основные типы иллокуций, которые имеют в русском языке грамматические средства выражения.

Литература

Брызгунова Е. А. (1982) Интонация // Русская грамматика. Том 1. М.: Наука. С. 98–122.

Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 г.г. М.: Наука, 1993. С. 191–319.

Кривнова О. Ф. (2015) Глубина просодических швов в звучащем тексте (экспериментальные данные) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2015. Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1. М.: Издательство РГГУ. С. 338–351.

Циммерлинг А. В. (2013) Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры. 544 с.

Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer. Version 6.3.03. Online: Praat: doing Phonetics by Computer (uva.nl), 2023 (accessed date: 15.01.2023).

«Слово и жест»

**Научная конференция,
посвященная памяти Е. А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)**

Материалы конференции

Подписано в печать 01.02.2023 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 5. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Отпечатано в типографии ОнлайнПринт
117218, Москва, ул. Введенского, 8